

ДЕБЕТ С МАГИЧЕСКИМ КРЕДИТОМ

Алиса Артемова

18+

Алиса Артемова

Дебет с магическим кредитом

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73231233

SelfPub; 2026

Аннотация

Анна считала, что пик профессионального ада – это годовой отчет в пятницу вечером. Но нет. Худшее – это когда тебя выдергивают из родного мира и бросают в средневековое фэнтези с задачей спасти казну целого королевства. Почему именно ее? Местные маги решили: если человек укротил Excel, то справится и с аппетитами жадных дворян. Железная логика, ничего не скажешь.

Теперь у Анны новая реальность: бюджетные воры крадут суммы на целый замок, аристократы считают казну личной копилкой, а союзник всего один – мрачный и не в меру привлекательный капитан гвардии со скверным характером, который смотрит на нее как на помесь спасительницы и ведьмы.

Анна хочет домой, к просроченному йогурту и Wi-Fi. Но что, если в графе «убытки» числится побег, а в графе «прибыль» – любовь, адреналин и смысл жизни?

Добро пожаловать на самый опасный аудит в истории. Здесь проверяют не только счета – здесь проверяют, из чего ты сделана на самом деле.

Содержание

Пролог.	4
Глава 1. Конец рабочего дня.	9
Глава 2: Не та переговорная.	13
Глава 3: Условия контракта.	22
Глава 4: Капитан Тени.	35
Глава 5: Авгиевы конюшни.	51
Глава 6: Трудовой договор и бюджетирование.	87
Конец ознакомительного фрагмента.	136

Алиса Артемова

Дебет с магическим кредитом

Пролог.

Тени в тронном зале Этерии плясали, как пьяные придворные после неудачного бала, – хаотично, нервно и с изрядной долей обреченности. Единственная свеча на массивном дубовом столе отважно сражалась с ночным мраком, но проигрывала по всем фронтам, выхватывая из темноты лишь три фигуры и атмосферу вселенской тоски. Позолота на подлокотниках королевского трона, где ссутулился его владелец, давно стерлась до дерева, что было весьма символично для состояния всей казны.

Король Эларион, молодой человек с глазами старого философа и прической, выдававшей бессонную ночь, уныло смотрел на оплавленный воск. В свои тридцать лет он выглядел скорее как студент, проваливший сессию всей своей жизни, а не как помазанник богов.

– Мы тонем господа, – его голос был тихим, но в гулкой тишине зала прозвучал как набат. – И самое обидное – тонем в собственном замке, в сухом рву. Парадокс, достойный пера

придворного поэта, если бы мы еще могли позволить себе его содержать.

Напротив него, прямой как стальной клинок, стоял капитан Королевской Стражи Кейден. Его лицо, высеченное из гранита и цинизма, не выражало ничего, кроме усталого презрения к ситуации. Пальцы его руки задумчиво постукивали по эфесу меча.

– Ваше Величество, решение есть всегда – прохрипел Кейден голосом, напоминавшим скрежет не промазанной телеги. – Еще пара показательных арестов среди самых крикливых баронов, и желание требовать отчета поутихнет. Страх – отличный финансовый инструмент. Не требует ведения бухгалтерии.

– Страх – это кредит, капитан, – возразил Эларион, поднимая усталый взгляд. – А у нас и так слишком много долгов. Мы не знаем, куда уходят деньги. Мы облагаем налогом крестьянина за курицу, а золото утекает так, будто в казне прописался дракон с аллергией на драгметаллы.

Третий участник этого ночного бдения, главный маг Фаэлан, до этого молчавший и напоминавший старую, покрытую пылью веков статую, наконец издал звук. Это был шелест, похожий на перелистывание страниц древнего фолианта. Его лицо скрывал глубокий капюшон, из-под которого виднелась лишь седая борода, да поблескивали глаза, казалось, видевшие зарождение этого мира и предчувствовавшие его бесславный конец.

– Проблема не в мечях, капитан, и не в налогах, Ваше Величество, – проскрипел маг. – Проблема в хаосе. Порядок – это тоже магия. Самая могущественная и, увы, самая сложная из всех. У нас нарушен Баланс. Не космический, нет. Куда прозаичнее – приходно-расходный.

Кейден фыркнул.

– И что Вы предлагаете, почтенный Фаэлан? Прочитать заклинание на кошельки, чтобы они сами наполнялись? Или насрать на казнокрадов порчу в виде чесотки? Боюсь, они переживут.

– Почти, – невозмутимо ответил маг, и в его голосе проскользнула нотка таинственности, которая так раздражала капитана. – Существует древний ритуал Призыва. Он не для героев с сияющими доспехами или могучих воителей. Он зовет сквозь миры и время того, кто нужен здесь и сейчас. Заклинание призывает не силу, но структуру. Не война, но ... мастера порядка и счета.

Наступила тишина. Даже свеча, казалось, замерла от удивления.

– Мастера ... чего? – переспросил король Эларион, медленно выпрямляясь.

– Порядка. Счета. Баланса. – терпеливо повторил Фаэлан. – Мы призовем не того, кто отнимет жизни, а того, кто пересчитает монеты. Того, кто сможет распутать этот узел из лживых отчетов, откатов и приписок. Того, кто увидит невидимую утечку.

Кейден откровенно расхохотался – коротким, лающим смехом.

– Великолепно! Когда в королевстве начнется голод, Вы предложите призвать пекаря? Вы предлагаете лечить гангрену припарками из ромашки? Эта магия рискованна. Что, если явится демон с когтями и врожденной страстью к дебиту с кредитом? Или, что еще хуже, какой-нибудь межмировой бюрократ, который потребует от нас заполнить форму ЗБ-Призыв в трех экземплярах каждые два часа?

– Риск есть всегда, – согласился маг. – Но что нам терять? Честь? Ее мы теряем каждый день, выпрашивая отсрочку у ростовщиков. Власть? Она и так утекает сквозь пальцы, как песок.

Король Эларион долго молчал, глядя то на скептическое лицо своего капитана, то в темную пустоту капюшона мага. В одном был прагматичный, жестокий, но понятный мир стали и крови. В другом – безумная, абсурдная, но все же надежда. Выбор между ампутацией и экспериментальной терапией с непредсказуемыми побочными эффектами.

– Капитан, Ваши методы решат проблему на месяц, – наконец произнес он. – А потом придется рубить новые головы. И так, пока не останется ни голов, ни королевства. Это не решение, это агония. – Он повернулся к магу. – Мне нужен тот, кто сможет вылечить болезнь, а не просто убрать симптомы.

Эларион поднялся, и в его фигуре на миг промелькнуло

что-то истинно королевское.

– Готовьте ритуал, Фаэлан. И да помогут нам все боги, особенно бог здравого смысла, если таковой существует.

Капитан Кейден ничего не ответил. Он лишь молча поклонился и вышел из тронного зала. Его шаги гулко отдавались в пустых коридорах. Он не верил в магию счетоводов. Он верил в остро заточенную сталь. И сегодня же ночью он лично проследит, чтобы его лучший клинок был наточен для блеска. На всякий случай. Ведь если магия не сработает, или сработает как-то не так, разбираться с последствиями придется точно не магу.

Глава 1. Конец рабочего дня.

Дебит сошелся с кредитом. Последняя цифра в квартальном отчете встала на свое место с грацией балерины, завершающей фуэте. Идеальный баланс. Безупречная структура. Отчет был произведением искусства, холодным, как мраморная статуя, и таким же мертвым. В нем – судьба трех тысяч человек, завода в Калужской области и двух дочерних предприятий, которые я только что элегантно пустила под нож. Ликвидация нерентабельных активов. В корпоративном новоязе это звучало почти как забота о здоровье. Мы не убиваем, мы оптимизируем.

Я откинулась в кресле, которое стоило больше, чем средняя годовая зарплата одного из тех, кого я только что «оптимизировала». Кожа холодила затылок сквозь тонкий шелк блузки. За окном сорок седьмого этажа «Империи» сгущались сумерки, превращая Москву в россыпь нейронных вспышек на темном бархате. Красиво. И абсолютно безразлично.

Знаете, в чем ирония кризис-менеджмента? Ты спасаешь тонущие корабли, но сам при этом живешь в батискафе. Герметичном, надежном, с идеальной системой жизнеобеспечения и толстенным стеклом, отделяющим тебя от всего живого. Моя жизнь – это такой же идеальный отчет. Карьера – в столбце «активы», с уверенным годовым ростом. Личная

жизнь – «пассивы», где в графе «значимые отношения» уже который год стоит унылый прочерк. Общий баланс вроде бы в плюсе, но дивидендов в виде простого человеческого счастья что-то не наблюдается. Видимо, не та статья отчетности.

Телефон на столе молчал. Кто мне позвонит в полдесятого вечера в среду? Мама давно привыкла, что у дочки «важная работа», и пишет в мессенджеры раз в неделю. Подруги... забавное слово из прошлой жизни. Они остались там, в университете, с мечтами о принцах и уютных кухнях. Мои мечты были о собственном кабинете с панорамным видом. Что ж, мечты сбываются. Иногда это самое страшное, что может случиться.

Внутри что-то тихо скребло. Не тоска, нет. Тоска – это слишком эмоционально, слишком неэффективно. Скорее, осознание системной ошибки. Словно смотришь на идеальную таблицу, и все формулы верны, все ячейки заполнены, а итоговая сумма все равно равна нулю. Пустота. Стерильная, выверенная до миллиметра пустота одиночества в пентхаусе и офисе класса «А+».

Я встала и подошла к окну, коснувшись пальцами холодного стекла. Внизу ползли красные и белые огоньки – кровеносная система мегаполиса. Каждый огонек – это чья-то маленькая история. Кто-то спешит домой, к ужину, к детям, к собаке, которая радостно виляет хвостом. Кто-то едет на свидание, волнуясь и надеясь. Кто-то просто смотрит в окно автобуса, уставший, но живой. А я? Я смотрю на них, как на

график биржевых котировок. Отстраненно. Аналитически.

И именно в этот момент, когда я в очередной раз констатировала отрицательный показатель своего существования, мир решил подкинуть мне баг в системе.

Прямо перед моим лицом, за стеклом, но как будто и в самой комнате, воздух начал мерцать. Сначала это было похоже на тепловую волну над раскаленным асфальтом. Я моргнула. Галлюцинация от усталости. Нужно больше спать и меньше пить кофе. Я даже мысленно поставила себе задачу в корпоративный планировщик: «Оптимизировать режим сна. Срок: немедленно».

Но мерцание не исчезло. Оно сгустилось, обретая цвет. Неоново-фиолетовый, с золотыми искрами, как скринсейвер из девяностых, который кто-то по ошибке запустил в реальном мире. Странно. Нелепо. Я даже усмехнулась. Наверное, это так выглядит микроинсульт. Или очень креативная рекламная акция с дронами.

Я отступила на шаг, но свечение последовало за мной, оставаясь на том же расстоянии. Оно не грело и не издавало ни звука, но я чувствовала его. Чувствовала, как статическое электричество перед грозой. И самое жуткое – оно начало влиять на окружающее пространство. Угол моего дубового стола, идеальный, материальный, вдруг поплыл, теряя четкость, словно jpeg-артефакт на плохом изображении. Линии на графиках на мониторе за моей спиной изогнулись, как спагетти.

Мой мозг, привыкший к логике и порядку, отчаянно пытался найти объяснение. Утечка газа? Массовая галлюцинация? Но я была одна. Я протянула руку не к свечению, а к столу, чтобы опереться, чтобы почувствовать что-то реальное. И мои пальцы прошли сквозь него.

Не было ни боли, ни холода. Просто... пустота. Как будто стол был не более чем проекцией. Паника, холодная и острая, как игла, наконец пробила броню моего цинизма. Я развернулась. Мой офис, моя крепость, моя золотая клетка, таял. Стены растворялись, как акварель под дождем, потолок превращался в фиолетовую туманность. Последнее, что я увидела, была строка на экране моего компьютера. Безупречная, ровная строка квартального отчета.

А потом и она исчезла, оставив меня в центре слепящего, невозможного, абсолютно нелогичного ничто.

И последней связной мыслью, промелькнувшей в моем сознании, было: «Вот это точно не входило в бюджет».

Глава 2: Не та переговорная.

Возвращение в реальность было похоже на самое жуткое похмелье в моей жизни. Не от алкоголя, а от самой матери бытия. Голова гудела так, словно в нее пытались загрузить операционную систему от совершенно другого устройства. Первое, что я почувствовала – холод. Не офисный холод кондиционера, а промозглый, древний холод камня под моей спиной. Пахло пылью, воском и чем-то еще, неуловимо-тревожным, как запах старого железа.

Я села, моргая. Мой безупречный офисный костюм был помят и, кажется, слегка влажен. Но это было неважно. Важно было то, что я сидела не на ламинате своего кабинета, а на каменных плитах посреди... зала. Огромного, абсурдно огромного зала с высоченными потолками, с которых свисали не светодиодные панели, а массивные люстры с настоящими свечами. Десятки, если не сотни свечей. Уровень пожарной опасности здесь, должно быть, зашкаливал.

Вдоль стен тянулись гобелены с выцветшими сценами охоты и баталлий. Через витражные окна, изображавшие каких-то крылатых личностей, пробивался тусклый свет, заставляя пылинки плясать в воздухе, как микроскопические призраки. А в дальнем конце зала, на возвышении, стоял трон. Настоящий, мать его, трон из темного дерева и потертого бархата. И на нем сидел человек.

Рядом с тронem стояли еще двое. Мой мозг, привыкший мгновенно классифицировать угрозы и активы, заработал на автомате.

Объект номер один: «Председатель совета директоров». Мужчина лет тридцати, на троне. Корона на голове выглядела так, будто весила тонну, и под ее тяжестью он заметно устал. Дорогой, но не новый камзол, лицо из тех, что хорошо смотрятся на монетах, и глаза, в которых застыла вселенская тоска человека, ответственного за все.

Объект номер два: «IT-отдел, перешедший на эзотерику». Старик рядом с ним. Длиннющая седая борода, балахон со звездами, который смотрелся бы уместно разве что на детском утреннике, и посох. В руках у него был посох, инкрустированный каким-то подозрительно сверкающим камнем. Он смотрел на меня со спокойным любопытством ученого, разглядывающего особо интересную плесень под микроскопом.

Объект номер три: «Начальник службы безопасности». Мужчина в явно военной форме. Лицо, перечеркнутое шрамом, хмурый взгляд, не сулящий ничего хорошего, и рука, привычно лежащая на эфесе меча. Он не просто смотрел на меня, он меня оценивал. Как оценивают внезапно возникшую проблему, которую, возможно, придется решать самым простым и кровавым способом.

Они молчали, наблюдая за моим пробуждением. Это была самая странная деловая встреча в моей жизни.

– Отличный розыгрыш, – сказала я, поднимаясь на ноги. С брезгливостью отряхнула невидимую пыль с лацканов пиджака, который стоил дороже, чем весь этот реквизит вместе взятый. Голос, чуть севший от недолгого обморока, пришлось прочистить легким кашлем. – Признаю, вышло эффектно. Маркетологи постарались на славу. Или... нет, наши бы на такое не решились, слишком смело. Значит, это все-таки «Глобал Инвест»? Решили, что промышленный шпионаж – это вчерашний день, и перешли к прямому похищению ключевых сотрудников? Что ж, аплодирую размаху. Бюджет на это представление, полагаю, сопоставим с ВВП какой-нибудь банановой республики. Вот только есть один нюанс, ребята. Иммерсивное шоу – это одно. А похищение человека – статья. Весьма неприятная. – На моих губах появилась улыбка, от которой у моих оппонентов на переговорах обычно пропадал аппетит. – Мои юристы обожают такие прецеденты. Для них это как рождественский бонус.

Троица обменялась взглядами, в которых читалось не столько замешательство, сколько плохо скрываемое снисхождение. Тот, что сидел на троне, с осанкой генерального директора на совете акционеров, слегка склонил голову.

– Мы не разумеем всех твоих речей, человек мира чистых чисел, – произнес он с такой усталой властью, будто ему только что пришлось уволить целый филиал. – И мы не преследовали цели причинить тебе вред. Я – Эларион, правитель этих земель. Слева от меня – наш мудрейший маг Фа-

элан. – Последовал вежливый кивок в сторону старика, который выглядел так, будто лично консультировал Ноя по вопросам строительства. – А это – капитан моей гвардии, Кейден.

– Эларион, Фаэлан, Кейден, – я медленно повторила имена, словно сверялась со списком участников корпоративного тренинга. – Понятно. Вашему кастинг-директору отдельная премия. Типажи подобраны идеально: «утомленный бременем власти лидер», «загадочный мудрый советник» и, конечно, «мрачный, но верный начальник службы безопасности». Хрестоматийный набор, прямо из учебника по созданию фокус-групп. Аплодирую. – Я лениво свела ладони. – Теперь, когда мы разобрались с ролями, давайте к делу. Где скрытая камера и когда мне принесут мой двойной эспрессо? Этот ваш иммерсивный квест начинает утомлять, а у меня, в отличие от вас, господа актеры, время расписано по минутам. И пункта «участие в дешевом фэнтези» в моем расписании точно не было.

Маг Фаэлан сделал шаг вперед. Его взгляд был странно пронзительным.

– Мы призвали тебя, ибо наше королевство, Этерия, на краю гибели. Наша казна пуста, земли разорены, народ голодает. Мы испробовали все: молитвы, войны, старые законы... Ничего не помогает. И тогда я нашел древний ритуал. Ритуал Призыва, того, кто мыслит не мечом и не молитвой, а... сутью вещей. Цифрами. Логикой. Того, кто сможет уви-

деть то, чего не видим мы. И вот, он, призвал тебя, дева.

Наступила тишина, плотная, как аудиторское заключение с плохими новостями. Я смотрела на них. Они – на меня. И в их взглядах не было ни грамма того, что можно было бы списать на переигрывание. В них плескалась отчаянная, неразбавленная, абсолютно нерентабельная надежда. Вот это и было главным риском. Непрогнозируемая переменная, способная обрушить любую, даже самую стабильную систему. Это было страшнее любого отдела по взысканию задолженностей.

– Ладно, давайте закроем этот гештальт, – я начала массировать виски, где уже формировался мигренозный дефолт. – Перформанс засчитан, КРІ по актерскому мастерству выполнены. Я поаплодировала, вы получили свой контент. Куда помахать рукой и передать приветы отделу маркетинга? Честное слово, я думала, такие вирусные кампании вышли из моды вместе с пленочными фотоаппаратами.

– Никто не шутит, – проскрипел капитан, чей голос звучал так, будто его давно не смазывали.

Я медленно вскинула бровь.

– Позвольте уточнить, – в моем голосе прорезался холодный металл. Раздражение начинало подтачивать профессиональную выдержку. – Я правильно понимаю, что наблюдаемый мной уровень абсурда – это не элемент тимбилдинга, а ваша официальная позиция?

– Более чем, – кивнул «король» с невозмутимостью гене-

рального директора, объявляющего о рекордной квартальной прибыли.

– То есть, – я сделала паузу, подбирая адекватную терминологию. – Вы произвели, скажем так, недружественное поглощение меня как ресурса, применив... магию... – само слово царапало язык, вызывая то же отторжение, что и годовой отчет, сверстаный в Comic Sans, – чтобы я, в качестве привлеченного специалиста, провела ... аудит казны? – Профессионально выверенный тон окончательно дал трещину, и сквозь нее прорвался смех. Нервный, почти истерический смех человека, который только что осознал всю глубину чужого безумия.

Местный начальник службы безопасности, Кейден, скривился, будто ему на язык попали данные провального квартального отчета.

– С Вашего позволения, Ваше Величество, но я предупредал, – вздохнул Кейден, глядя на меня с выражением лица человека, которому вместо боевого коня подсунули упрямого осла. – Призывать невесть что из невесть откуда – рискованная затея. Она, конечно, грозно хмурит брови, но я не уверен, что это остановит хотя бы захудалого гоблина. Единственный «силовой актив», которым она обладает, – это, похоже, дар доводить людей до мигрени одним только тоном.

Мило. От такого комплимента у меня свело скулы, а в голове мгновенно сформировался SWOT-анализ его персоны. Из сильных сторон – меч и, видимо, наглость. Из сла-

бых – все остальное. Я медленно выдохнула, подавляя желание объяснить ему, что даже самый «непрофильный актив» вроде канцелярской скрепки может доставить массу неприятностей, если попадет не в те руки. Эмоции – это для поэтов и девиц в башнях. Я же здесь для решения конкретной бизнес-задачи. Итак, в графе «риски» у нас появился говорящий мускулистый мужчина с завышенным ЧСВ. Принято к сведению. Будем работать с тем, что есть.

– Она – наш единственный ликвидный шанс, Кейден, – мягко, но с твердостью в голосе ответил король.

– Хорошо. Допустим. Допустим, я на долю секунды принимаю вашу бизнес-модель как рабочую. У меня, как у привлеченного специалиста, есть права. Пункт первый: я требую возможности связаться со своим юридическим представителем. Ад-во-кат, – по слогам произнесла я, будто объясняла терминологию некомпетентным стажерам. – Человек, который блюдет мои интересы и следит за соблюдением условий контракта. Пункт второй: чисто технический вопрос. У вас что, тотальный кадровый голод? Нет штатных единиц вроде финансового директора, главного бухгалтера, казначея?

Король и маг обменялись взглядами, в которых читалось полное непонимание базовых корпоративных процедур.

– Мы не желаем тебе зла, – снова повторил король заученную мантру. – Твой статус здесь – гость. Наша главная инвестиция в будущее.

– А статус предыдущего казначея был изменен на «уво-

лен» путем перманентного расторжения контракта между головой и телом, – любезно обрисовал мне карьерные перспективы местный безопасник.

– Кейден! – осадил его король.

На долю секунды в моем мозгу произошел критический сбой. Аналитический отдел ушел на панический перекур, а служба безопасности просто испарилась. Я позволила себе допустить гипотезу, в которой это все было правдой. Не гениальный перформанс, не похищение с целью выкупа, не странный корпоратив секты свидетелей средневековья. А реальность. Просто с другой операционной системой. И в этой ОС мои ключевые активы – статус, деньги, связи и правовая база – оказались не просто бесполезны, они даже не распознавались системой. Вся моя жизнь, вся моя идеально отлаженная экосистема оказалась не более чем локальным программным обеспечением на компьютере, который только что выдернули из розетки.

Вся моя ирония, весь мой выверенный годами цинизм, служивший мне броней и оружием, вдруг показался тонкой позолотой на дешевой бижутерии. А под ним была не закаленная сталь, нет. Под ним была холодная паника инвестора, который в один миг осознал, что все его акции, весь его портфель – просто набор нулей.

– Спасибо за ваше коммерческое предложение, но я вынуждена отказаться, – максимально ровным голосом, в котором, надеюсь, не дребезжали нотки отчаяния, заявила я.

Маг Фаэлан посмотрел на меня с таким сочувствием, с каким смотрят на безнадежного должника.

– Боюсь, в условиях ритуала не предусмотрена опция возврата.

Ну, разумеется. Безвозвратный тариф. Логично, чего уж там. Максимальная оптимизация логистических издержек.

Я подняла на них глаза. К горлу снова подкатывал смех – злой, нервный, на грани истерики. Истерика – непродуктивная трата энергии, но ситуация располагала. Итак, что мы имеем в сухом остатке? Я – актив. Приобретенный, судя по всему, задорого. Невозвратный. И без малейшей инструкции по эксплуатации. Они смотрели на меня с надеждой, как на венчурную инвестицию, которая должна окупиться в тысячу крат. А я смотрела на них, как на совет директоров компании-банкрота, который только что вложил последние средства в безумный стартап, о котором им с восторгом рассказывал случайный прохожий. В меня.

Я не выдержала. Запрокинув голову, рассмеялась. Громко, от души. Внутри боролись два совершенно полярных чувства: холодное, расчетливое возмущение собственника, у которого отобрали контроль, и неуместное, абсурдное веселье от масштабов катастрофы.

Глава 3: Условия контракта.

Когда первоначальный шок от абсурдности ситуации прошел, мой мозг, натренированный десятилетиями враждебных переговоров, переключился в режим антикризисного управления. Возмущение было. Но оно было не эмоциональным всплеском, а четко сформулированной юридической позицией. Факт №1: я похищена. Факт №2: вероятно, нахожусь под действием неизвестных веществ, вызывающих галлюцинации в виде плохо обставленного фэнтези. Стратегия действий в подобных случаях была отработана до автоматизма: отрицание легитимности оппонента, оказание давления и апелляция к правовым нормам.

– Требую немедленно связаться с моим адвокатом, – отсмеявшись, заявила я. Голос звучал ровно, как на совете директоров, хотя ноги все еще ощущались как сторонний, плохо управляемый актив. – Ваше шоу, господа, было впечатляющим, но оно тянет на несколько увесистых статей.

Мужчина в короне, которого я мысленно классифицировала как «Генерального Директора по праву наследования», переглянулся с магом – «Главой эзотерического отдела по сомнительным технологиям». Капитан стражи, этот очевидный «Начальник службы безопасности на стероидах», просто хмыкнул, и звук эхом отразился от чрезмерно позолоченных стен.

– Ад-во-кат? – медленно, по слогам, повторил маг Фаэлан, словно пробовал на вкус экзотическое блюдо. – Боюсь, у нас нет магов с такой специализацией.

Это было уже не смешно. Это было издевательство. Они даже не пытались поддерживать легенду на приемлемом уровне.

– Леди, – с усталостью в голосе попенял мне «Гендиректор», – Вы до сих пор не представились.

Вот это поворот. Они провернули операцию по, хм, принудительному перемещению актива, даже не проведя базовый due diligence? Дилетанты.

– Анна Ветрова. Вы серьезно не потрудились узнать, кого похищаете? – в моем голосе прозвучало искреннее удивление их халатностью. – Прекратите этот фарс, – холодно отчеканила я. – Я не знаю, на какой выкуп Вы рассчитываете, но уверяю Вас, Ваша затея экономически нецелесообразна. Мой финансовый след прозрачен, как отчетность за первый квартал. Любые крупные транзакции инициируют протоколы безопасности. Соотношение риска и потенциальной выгоды для Вас крайне неблагоприятно.

Король Эларион вздохнул. Это был вздох человека, который устал объяснять нерадивому подчиненному очевидные вещи.

– Фаэлан, я думаю, леди Анна нуждается в более весомых аргументах.

Маг кивнул. Его взгляд упал на шариковую ручку, кото-

рую я все еще сжимала в руке как последнее доказательство своей реальности. Обычная корпоративная ручка с логотипом нашей компании. Мой верный инструмент.

– Вы цените логику и факты, не так ли, леди Анна? – спросил старый маг. – Вот вам факт.

Он плавно повел рукой. И моя ручка... выскользнула из пальцев. Она не упала. Она замерла в воздухе, в метре от моего лица, медленно поворачиваясь вокруг своей оси, словно спутник на орбите невидимой планеты. Пластиковый корпус, металлический клип, логотип – все это нарушало все мыслимые законы физики и здравого смысла.

Мой мозг, привыкший оперировать цифрами, процентами и графиками, выдал ошибку 404. Файл «Рациональное объяснение» не найден. Я протянула руку, чтобы коснуться ее, но палец прошел сквозь пустоту там, где она только что была. Ручка переместилась левее, дразня меня.

Это не была голограмма. Освещение в зале было настоящим, свечи отбрасывали живые тени. Это не был гипноз – я ощущала холод царивший в зале, а еще запах пыли и воска так же отчетливо, как собственное бешено колотящееся сердце. Это был факт. Абсурдный, невозможный, но факт. Мой корпоративный сувенир устроил бунт против гравитации.

Я молча смотрела на парящую ручку, и весь мой мир, вся моя жизнь, построенная на незыблемом фундаменте логики, начала трещать по швам. Мир цифр, отчетов и биржевых ко-

тировок казался таким реальным, таким основательным. Но чем он, по сути, отличался от этого? Там магия чисел двигала рынки и рушила корпорации. Здесь магия иного толка заставляла летать предметы. Возможно, вся разница лишь в интерфейсе.

Ручка плавно опустилась обратно в мою подставленную ладонь. Она была обычной. Теплой. Настоящей.

– Что... что вам нужно? – голос сел. Моя крепость цинизма дала первую, но очень серьезную трещину.

– Нам нужны Вы, – просто, но твердо сказал король. – Ритуал, который Фаэлан готовил несколько недель, был создан для того, чтобы найти единственного человека во всех мирах, обладающего нужным нам даром. Оно искало не мага, не воина, а того, кого древние тексты называют «мастером счета». Того, кто видит мир сквозь порядок цифр, кто может усмирить хаос расходов и доходов. Заклинание нашло Вас, Анна.

Мастер счета. Звучит как название какой-то секты бухгалтеров-переростков. Но в контексте парящей ручки это приобретало зловещий смысл.

– Наша казна пуста, – продолжил Эларион, и в его голосе прозвучала горечь. – Наши налоги собираются из рук вон плохо. Расходы на армию, на восстановление после войны, на содержание двора – все это превратилось в неуправляемый поток, который топит королевство. Мы на грани коллапса. Мы нуждаемся в Вас, чтобы Вы наладили наш... бюджет.

Я чуть не рассмеялась. Переместиться между мирами, чтобы провести аудит для обанкротившегося средневекового королевства? Это даже не проект, это какой-то божественный сарказм.

– Предположим, – я сделала глубокий вдох, пытаюсь вернуть себе контроль, – я Вам поверю. Какова моя мотивация? Какой КРІ у этого проекта, кроме спасения ваших душ и корон?

Король посмотрел на Фаэлана, и тот ответил:

– Мы понимаем, что вы хотите вернуться домой. В Ваш мир. Это невероятно сложная задача, требующая колоссальных затрат магической энергии и ресурсов. Но если Вы поможете нам, я, от лица короля и всей магической коллегии Этерии, клянусь, что все эти ресурсы будут направлены на поиски способа вернуть Вас. Мы задействуем каждого мага, изучим каждый древний фолиант. Это наше королевское слово.

Он сделал паузу, давая мне осознать предложение.

– Однако, если Вы откажетесь..., – взял слово король, – мы, конечно, не можем принудить Вас. Но и помочь ничем не сможем. Путь назад мы не знаем. Вы останетесь здесь. Чужестранка, без имени, без статуса, без средств к существованию. Просто еще одна душа, затерянная в мире, который Вам чужд. – Добавил он то, что в любом контракте идет мелким шрифтом под звездочкой.

Ультиматум. Чистый и незамутненный. Выбор без выбо-

ра. С одной стороны – каторжная работа в абсолютно безумных условиях, но с призрачным шансом на возвращение. С другой – гарантированное падение на социальное дно в мире, где это дно, скорее всего, вымощено грязью, чумой и очень острыми предметами.

Мой внутренний риск-менеджер взвыл. Это была самая невыгодная сделка в моей жизни. Но в то же время – единственная возможная.

Я вспомнила свою квартиру. Стерильную, выверенную, пустую. Свой график, расписанный на месяцы вперед. Всю эту жизнь, где я была мастером своего маленького, предсказуемого мира. И поняла, что потеряла его навсегда. Эта мысль была холоднее камня под ногами.

Вся моя философия прагматизма сводилась к одному: выжимай максимум из имеющихся обстоятельств. И сейчас обстоятельства были таковы: либо я становлюсь финансовым директором фэнтезийного королевства, либо бродягой.

Я окинула оценивающим взглядом эту антикризисную команду. Внутри все сжималось от отчетливого понимания, что я попала на принудительную реструктуризацию компании, летящей к банкротству со скоростью метеорита. Но снаружи я была само спокойствие.

– Что ж, – мой голос звучал так, будто я обсуждаю годовой отчет, а не спасение королевства. – Допустим, я согласна провести аудит этого безнадежного предприятия. Судя по всему, на волонтерских началах. Мой райдер прост.

Первое: мне нужно рабочее место. Стол, стул, источник света. Не темница. – Я кинула хмурый взгляд на безопасника. – Второе: полный и неограниченный доступ ко всей первичке. Договоры с драконами, накладные на эльфийские стрелы, долговые расписки гномам, счета за поставку маны – все на стол. Третье, ключевое: с этой секунды объявляется мораторий на любые траты. Все финансовые операции заморожены до выяснения масштабов катастрофы. Четвертое: не мешать мне работать. Особенно, – я скользнула взглядом по капитану, – вот этому специалисту по агрессивному тимбилдингу. Его методы оптимизации штата вызывают у меня некоторые вопросы в области трудового законодательства.

Я сделала паузу, давая им осознать, что это не просьба, а техническое задание.

– Далее. Инвентаризация ликвидных активов. Мне нужен доступ в сокровищницу, хранилище артефактов и прочие ваши сейфы. Вы, Ваше Величество, – я перевела взгляд на короля, – предоставите мне двух материально ответственных лиц для надзора за процессом. Во избежание расхождений в итоговом балансе. Начинаем немедленно. И да, напоминаю: пока последняя золотая монета не будет пересчитана и внесена в ведомость, касса на замке. У всех. Вопросы есть? Вопросов нет.

Король посмотрел на меня так, словно я только что предложила провести полный налоговый аудит его души с последующей описью исподнего. Его лицо, и без того не пы-

шущее здоровьем, пошло багровыми пятнами. Уголок рта нервно дернулся. Кажется, Его Величество боролся с острым желанием то ли позвать стражу, то ли немедленно отречься от престола в пользу какого-нибудь заезжего менестреля. Я дала ему мгновение на то, чтобы переварить новую реальность, в которой какая-то пришлая девица без титула и армии только что захватила контроль над его казной. Внутри меня бурлил коктейль из ледяного профессионального азарта и мрачного веселья. Господи, до чего же предсказуемы эти феодальные управленцы. Кризис-менеджмент для них – это найти виноватого и отрубить ему голову. Какая прелесть.

– Хорошо, – с таким трудом выдавил он, будто это слово было отлито из свинца и застряло у него в горле. Оно прозвучало не как согласие, а как капитуляция. В наступившей тишине было слышно, как тяжело вздохнул маг и как скрипнула кожаная перчатка капитана. Этап первый: принятие неизбежного. Пройдено.

– Господа, хочу сразу обратить ваше внимание на один момент, – продолжила я ледяным, деловым тоном, каким обычно объявляют о слиянии или поглощении компании. – Это не быстрый процесс. Управление вашими ожиданиями – ключ к нашему конструктивному сотрудничеству. Баланс мы будем сводить долго. Результатов завтра не будет. И через неделю, скорее всего, тоже. Точных сроков я не назову, пока не увижу весь масштаб бедствия, но обещаю работать эффективно. Никакой прокрастинации. Только хардкорный

аудит.

– Вы замораживаете все расходы и не даете сроков? – предсказуемо взорвался наш «Гендиректор» по кадровым сокращениям. Жилка на его шее вздулась, а кулаки сжались так, что, казалось, перчатки вот-вот лопнут. – И как нам существовать? Королевству нужно функционировать! Армию кормить, дозорных на стенах менять!

Ах, вот и оно. Классическое «мы не можем остановиться, потому что всегда так делали». Этот парень, очевидно, привык решать проблемы ударом кулака, а не анализом расходных ведомостей. Мило.

– Придется потерпеть, – отрезала я, глядя ему прямо в глаза с легкой, снисходительной скукой. – Называйте это режимом строгой экономии. Шоковой терапией. Как Вам будет угодно. Процедура теперь такая: любая, абсолютно любая заявка на расходы подается в письменном виде на имя Его Величества. Он изучает ее и ставит свою королевскую резолюцию: «одобрить» или «отклонить». После чего заявка с его визой поступает ко мне. Финальное решение принимаю я. Если я считаю трату необоснованной, несвоевременной или просто нецелесообразной в текущих условиях – заявка отправляется в корзину. То есть, обойдетесь.

Я выдержала паузу, позволяя красоте этой бюрократической ловушки в полной мере раскрыться в их сознании. Король бледнел, капитан багровел. Идеальный баланс.

– И чтобы было совсем понятно, – я позволила себе улыб-

нуться. Не вежливо. Не дружелюбно. Это была моя самая милая, хищная улыбка аудитора, нашедшего двойную бухгалтерию. Я посмотрела прямо на капитана, который все еще буравил меня взглядом. – Тот, кто потратит хоть один медяк, хоть ржавый грош, без моей подписи на утвержденной заявке, будет подвергнут процедуре внепланового сокращения штата. Путем немедленного и крайне нетерапевтического извлечения позвоночника через непредназначенное для этого анатомическое отверстие. Догадываетесь, через какое?

В воздухе повисла звенящая тишина. Кажется, даже сквозняк в тронном зале испугался и затих. Капитан медленно разжал кулаки. Похоже, этот язык он понимал гораздо лучше, чем разговоры о дебете и кредите. Что ж, отлично. Значит, мы сработаемся.

Этот капитан Кейден, начальник королевской стражи, определенно был не из тех, кто легко сдается. Гора мышц, намертво вросшая в мундир, и взгляд, в котором подозрительность смешалась с плохо скрываемым раздражением. Он смотрел на меня так, словно я была не спасительным кругом для их тонущего королевства, а экзотической заразой, которую случайно занесли в стерильный тронный зал. Он явно прощупывал почву, искал слабое место, трещину в моей броне.

– Возмездия не боитесь? – осторожно поинтересовался он. Голос низкий, с металлической ноткой, будто он пытался угрожать, но при этом соблюсти придворный этикет. Мило.

Я удостоила его взглядом, полным холодной вежливости, и позволила паузе повиснуть в воздухе, становясь почти осязаемой. Где-то в глубине души мой внутренний циник не просто хихикнул – он бился в злорадном восторге.

Возмездие? Какая прелесть. Милый мой, так ведь ты смотришь прямо на него. Я и есть возмездие. Воплощенное, в строгой юбке и с гроссбухом вместо косы. И будь уверен, ты же первый будешь носом землю рыть, умоляя меня вернуться, как только поймешь, что эта дыра в казне – не яма, а бездна, на краю которой я одна умею держать равновесие.

– Какого именно возмездия? – я скептически изогнула бровь, наслаждаясь тем, как его челюсть напряглась. – Тоже мне, напугали ежа голой задницей. Что Вы сделаете – уволите меня? Кажется, этот этап наших увлекательных переговоров мы уже миновали.

Мой взгляд скользнул к королю, который наблюдал за нашей перепалкой с выражением человека, попавшего между молотом и наковальней. Он был моим единственным, пусть и хлипким, щитом. Пока я ему нужна, капитан может лишь скрипеть зубами. И я намеревалась быть нужной очень, очень долго.

Я снова перевела взгляд на Кейдена, решив сменить тактику с глухой обороны на прагматичное наступление.

– Для продуктивной работы, капитан, мне потребуется отдельное помещение для сна и регулярное питание. Мозг, знаете ли, плохо функционирует на пустой желудок и под ак-

компанемент храпа стражников в общей казарме. Уверена, ваши ребята – настоящие виртуозы в этом деле, но я предпочту обойтись без их концертов.

– Не слишком ли много требований? – предсказуемо подал голос капитан Кейден. О, это врожденное стремление вставлять палки в колеса здравому смыслу! Он видел в моих словах наглость, а не элементарную логику. Мужчины, особенно военные, часто путают эти два понятия.

Я устало вздохнула. Приходилось объяснять очевидное.

– Мои требования – это минимальные условия для выполнения поставленной задачи. Или Вы считаете, что сможете провести аудит казны силами своего гарнизона? – я позволила себе самую едкую и сладкую из улыбок, глядя прямо ему в глаза. Я видела, как в них мелькнуло раздражение от неприятного воспоминания. – Ах, да. Вы же уже пытались.

Укол достиг цели. Кейден побагровел, а король, единственный, кто в этой комнате был способен сложить два и два, обреченно кивнул, подтверждая мои слова. Хотя, судя по состоянию финансов, с вычитанием у Его Величества были явные, хронические проблемы. Он понимал, что я – его последний шанс, и этого пока было достаточно.

– Прекрасно, – я с деловым видом потерла переносицу, изображая усталость от этой бессмысленной пикировки. На самом деле я чувствовала прилив сил. Маленькая победа в маленькой войне за авторитет. – Раз с бытовыми вопросами разобрались, перейдем к делу. Пока ваши юристы гото-

вят мой контракт, а капитан, – я бросила на него еще один многозначительный взгляд, – ищет ключ от сокровищницы и скребет по сусекам в поисках приличной комнаты для меня, настало время взглянуть на ваши учетные книги.

Я окинула взглядом тронный зал, позолота которого уже казалась мне фальшивой и облупившейся.

– Пора оценить истинную глубину этой кроличьей норы. И боюсь, она гораздо глубже, чем вы все думаете.

Глава 4: Капитан Тени.

– Вам выделяют кабинет для этих целей, – пробормотал Его Величество, и я почти физически ощутила, как в его монаршей голове пронеслась паническая картина: тронный зал, этот оплот сомнительного величия, погребен под лавиной свитков, фолиантов и, о ужас, моих едких комментариев к ним. Спасти позолоту от моих бухгалтерских таблиц было, очевидно, первостепенной задачей.

– А капитан Кейден будет сопровождать Вас повсюду, он Ваша надежная тень, лучший из лучших, – проскрипел Эларрион, бросая взгляд на молчаливую статую у трона. – Для Вашей безопасности.

Ну да, безопасность. Какое трогательное, старомодное слово. Я перевела взгляд с короля, этого ходячего финансового недоразумения, на его «лучшего из лучших». Капитан Кейден. Высокий, широкоплечий, с лицом, высеченным из камня и напрочь лишенным каких-либо эмоций. Живое воплощение антикварной системы безопасности.

– Для моего надзора, – мягко, но отчетливо уточнила я, не отрывая взгляда от капитана, который, в свою очередь, смотрел куда-то сквозь меня, словно я была досадным пятном на гобелене. Милая попытка, Ваше Величество. Я бы предпочла надежный Wi-Fi и неограниченный доступ к кофейному аппарату, но, видимо, в этом королевстве приходи-

лось довольствоваться хмурым мужчиной в качестве файр-вола. – Давайте называть вещи своими именами. Оптимизация терминологии значительно экономит время и нервные клетки. Особенно мои.

Его Величество смущенно кашлянул, словно подавился собственной короной, и поспешно ретировался, оставив меня наедине с моим личным Цербером. Кейден не произнес ни слова. Он просто стоял, источая ауру неодобрения и дорогого оружейного масла. Тишина повисшая между нами, была густая и тяжелая. Я могла бы использовать ее, чтобы повесить пальто, если бы оно у меня было. Внутри меня все ликовало. О, как же им всем неуютно от моей прямолинейности. Отлично. Комфорт – это первое, чего я их лишу. Сразу после денег.

Мы стояли в тишине, которая из просто неловкой стремительно перетекала в категорию «вопиющее нарушение всех социальных протоколов». Пауза затянулась до той неловкой отметки, когда в приличном обществе начинают проверять пульс у собеседника. Я уже мысленно подсчитывала, сколько человеко-часов было потрачено на это безмолвное противостояние, и заносила их в дебет королевской неэффективности. Было острое желание провести быструю диагностику моего надзирателя: может, у него системный сбой? Завис в процессе обработки данных? Или его голосовой модуль – это опциональная функция, на которой казна решила сэкономить?

И вот, когда я уже почти решила нарушить эфир вопросом о наличии у него базовой прошивки, капитан наконец подал признаки жизни. Это был не полноценный кивок, о нет, это было бы слишком расточительно. Это было минималистичное, едва уловимое движение подбородком в сторону какого-то бокового, явно не парадного выхода. Ни слова, ни звука. Чистая экономия речевого аппарата, почтительное отношение к акустике зала. Просто жест. Короткая, емкая команда, отправленная по беспроводному каналу «я-начальник-ты-следуй».

Что ж, отдам ему должное. По крайней мере, его пользовательский интерфейс был интуитивно понятен. Никаких тебе сложных меню или всплывающих окон с просьбой подтвердить действие. Жестовый ввод в чистом виде. Кратко, эффективно, без лишних энергозатрат на артикуляцию. Как там нынче модно говорить в моем мире – юзер-френдли? В данном случае, скорее, «надзиратель-френдли», но сути это не меняло. Я мысленно приняла условия этого немого лицензионного соглашения и двинулась следом. В конце концов, оптимизация коммуникаций – это тоже шаг к здоровой экономике.

Мы двинулись по замку. И если тронный зал был витриной, призванной пустить пыль в глаза заезжим гостям, то коридоры за ним были честным отражением казны. Наш путь превратился в увлекательную экскурсию под названием «Семь стадий финансового упадка». Сначала мы шли по

галереям, где с позолоченных потолков свисали хрустальные люстры, в которых, правда, горела от силы треть свечей. Огромные гобелены, изображавшие эпические победы давно почивших королей, были тронуты пылью и местами напоминали о победе моли над искусством. Звук шагов моего провожатого – тяжелый, уверенный стук подкованных сапог – гулко отдавался от каменных плит. Мои же звучали тише, но, смею надеяться, куда решительнее.

Чем дальше мы уходили от парадной части, тем откровеннее становилась бедность. Позолота сменялась облупившейся краской, ковры – голыми, стертыми до выемок каменными полами. Мы миновали анфиладу комнат, где из-под дверей сквозило унынием, и спустились по винтовой лестнице, такой узкой, что плечистый капитан едва в ней помещался. Освещали нам путь редкие факелы в закопченных держателях, бросавшие на стены длинные, пляшущие тени. Замок был не просто старым, он был уставшим. Уставшим от долгов, от нерадивых хозяев, от жизни не по средствам. Каждый пыльный угол, каждая паутинка в оконном проеме кричали мне о просроченных платежах и нецелевом расходовании средств.

Кейден шел впереди, неколебимый и прямой, как долговая расписка. Он был частью этого мира, он вырос в нем. Я же чувствовала себя вирусом в чужой операционной системе, и мне это чертовски нравилось. Наконец, мы остановились перед массивной дубовой дверью, окованной желе-

зом. На ней висел замок размером с мою голову. Капитан без лишних слов вставил в него огромный ключ и с натужным скрежетом повернул. Дверь со стоном отворилась, выдохнув в коридор запах пыли, мышей и забытых надежд.

Кабинет казначея, отправленного в отставку по причине профессиональной непригодности. Мое новое поле битвы. Что ж, пора знакомиться с призраками прошлых бюджетов.

Итак, мой новый кабинет. Если, конечно, это мрачное помещение вообще можно было так назвать. Скорее, это был мавзолей дефолта, памятник финансовой анархии, воздвигнутый в честь всех казначеев, сгинувших до меня. Пространство было огромным, но совершенно бесполезным, под самую балку забитым ветхими свитками, перевязанными выцветшими лентами – неоплаченными счетами истории. Фолианты, толстые, как годовые отчеты об убытках, громоздились в шатких башнях, готовые в любой момент обрушиться и похоронить под собой очередную попытку спасти это королевство. Воздух... о, этот воздух был густым, многослойным коктейлем. Базовые ноты – вековая пыль, как пепел сожженных бюджетов. Затем следовал тонкий аромат мышинного аристократизма – казалось, где-то в стенах грызуны в крошечных камзолах обсуждают фьючерсы на сыр. И все это было пропитано отчетливым, щемящим запахом угасших надежд. На мгновение моя ироничная броня дала трещину, и я почувствовала укол почти детской тоски. Я была так далеко от дома, запертая в склепе чужих ошибок.

Собравшись с духом, я озвучила первое, самое базовое требование для любого специалиста моего профиля: «Мне нужен свет. Достаточный, чтобы не пришлось через неделю вносить в бюджет статью расходов на собаку-поводыря для нового казначея». Мое логичное требование было встречено с таким искренним, первобытным изумлением, будто я запросила для курьерской службы ручного дракона с вертикальным взлетом.

Тем не менее, проблему решили. В меру своего средневекового понимания эффективности и безопасности. Под потолком зажгли десяток свечей на громоздкой люстре, и еще несколько расставили на моем будущем рабочем столе. Пламя лениво плясало, отбрасывая на горы пергамента коварные, движущиеся тени. Мой внутренний специалист по охране труда не просто забился в истерике – он уже писал докладную о грубейших нарушениях и подсчитывал будущие страховые выплаты по искам об ухудшении зрения и случайном возгорании стратегически важных документов. Но это была лишь первая проблема, техническая. Вторую, куда более сложную и человеческую, звали капитан Кейден.

Он был раздражающе, монументально высоким. Моя «тень», мой Цербер, облаченный в темно-серый мундир без единого украшения, выглядел так, словно его спроектировал гений-минималист, использовав в качестве материалов только прямые углы, мрачное чувство долга и глубинное презрение ко всему, что дышит и тратит деньги. Его лицо, будто

вытесанное из того же серого гранита, что и стены замка, пересекал тонкий белый шрам – словно рукописная поправка к суровому договору, тянувшаяся от левой брови к переносице. Но хуже всего были глаза. Карие, холодные, как аудит в последнем квартале убыточного года. Он не просто смотрел. Он сканировал, анализировал, искал уязвимости. Я почти физически ощущала, как мой кредитный рейтинг доверия в его системе стремится к отрицательным значениям.

Не проронив ни звука, он прошел к стене у двери, скрестил на мощной груди руки и превратился в часть интерьера. Очень угрюмую, неодобрительно молчащую и, вероятно, очень дорогую в содержании часть. Его молчание давило, оно было не просто отсутствием звука, а физически ощутимым недоверием. Сначала я даже оценила. Рентабельно. Никаких пустых разговоров. Но спустя пару минут это стало невыносимо. Он был не стражем, а ходячим укором, непрофильным активом, снижающим мою производительность одним своим присутствием.

– Капитан, – мой голос прозвучал нарочито легко, хотя внутри все сжималось от раздражения. Я развернулась к нему, опираясь бедром о край заваленного хламом стола. – Мне кажется, или банальное подпирательство стенок – это немного ниже Вашей квалификации? Уверена, у начальника королевской стражи есть дела поважнее. Может, если Вам так не терпится держать меня под надзором, пришлете кого-то менее значительного? Обещаю не обижать Вашего под-

чиненного. – Я едко улыбнулась, вкладывая в улыбку ровно столько яда, чтобы он понял: обещание – это лишь формальность, а не обязательство.

Он даже не шелохнулся, только взгляд стал еще жестче.

– Не положено, – его голос был низким и ровным, как черта под итоговой суммой долга. – Я буду следить за Вами сам, пришедшая. Кто знает, чего от Вас ожидать?

«Пришедшая». Не имя, а клеймо. Ярлык, который должен был сразу расставить все по местам. Он – свой, я – чужая. Все просто. Вот только я не собиралась играть по этим правилам. Я выпрямилась, стряхивая с себя остатки уныния и иронии, и посмотрела ему прямо в глаза.

– Анна, – твердо повторила я, вкладывая в эти четыре буквы все свое упрямство. – Меня зовут Анна.

Отвлечшись от этого ходячего монумента королевскому недоверию, я снова окинула беглым взглядом кабинет и окончательно осознала глубину финансовой пропасти, в которую меня окунули. Здесь не было не то что компьютера – здесь не было даже завалявшегося калькулятора. Никаких тебе удобных таблиц, никаких формул автосуммирования. Я мысленно представила, как вывожу итоговый баланс королевства, скрипя пером и считая в столбик, как первоклассница. Правый глаз предательски дернулся. Это была непровольная реакция моей нервной системы на прогнозируемое падение эффективности.

Второй аспект моего будущего кошмара, который не сразу

дошел до моего сознания, – это инструмент для письма. Не ручка. Не карандаш. Перо. Настоящее, мать его, гусиное перо, сиротливо торчащее из чернильницы с какой-то вязкой, подозрительно пахнущей жижей. В этот момент мой левый глаз присоединился к правому в нервном тике. Картина стала полной и апокалиптической: я, склонившись над пергаментом, считаю кляксами в столбик, пытаюсь отличить цифру три от случайной капли чернил.

Я наугад вытащила несколько свитков, надеясь найти хоть что-то, напоминающее бухгалтерскую книгу. Это был не учет. Это был плач Ярославны, записанный на дорогом пергаменте рукой человека, для которого деньги были не ресурсом, а абстракцией. Бессистемные записи о расходах на «ублажение духа северного леса» (пять бочонков лучшей медухи и жареный бык целиком) соседствовали с закупкой «дюжины шелковых мантий для новых фавориток его величества». Я отчаянно искала логику, систему, хотя бы призрак сбалансированного бюджета, но находила только поэзию финансового безумия и гимн нецелевым тратам.

И все это время я ощущала на себе его взгляд. Это была не просто слезка, это был аудит. Капитан не сверлил меня глазами, не давил. Он взвешивал. Каждое мое движение, каждый шелест пергамента, каждый мой вздох отчаяния, который я пыталась выдать за деловую сосредоточенность. Это было хуже, чем ежегодная проверка от самой дотошной налоговой службы. Там хотя бы есть четкий регламент и обе-

денный перерыв.

Тишину в кабинете можно было резать ножом и продавать как эксклюзивный сувенир под названием «Отчаяние аудитора». Единственными звуками были шелест древних свитков под моими пальцами да недовольное урчание моего желудка, который явно не одобрял местную диету из пыли и разочарований. Впрочем, был еще один источник звука, вернее, его полного отсутствия. Капитан Кейден. Он не издавал ни шороха, но его молчание было оглушительным. Он не просто стоял у стены, он был ее структурным элементом, несущей конструкцией из мрачного долга и тихого осуждения. Его присутствие создавало вокруг себя какое-то физически ощутимое поле, которое, казалось, повышало гравитацию и понижало температуру в комнате, превращая его в человекоподобную черную дыру, поглощающую мой оптимизм.

Я продержалась час. Целый час скрупулезного анализа счетов, которые вели так, будто понятие «дебет» было грязным ругательством, а «кредит» – названием неизлечимой болезни. Мое терпение, ресурс весьма ограниченный и, как любой ценный ресурс, истощилось до критической отметки.

– У Вас есть какая-то функциональная нагрузка, кроме как подпирать стену и генерировать вокруг себя поле осуждения? – спросила я, не поднимая головы от очередного свитка, покрытого каракулями, которые местный казначей, очевидно, считал цифрами.

Тишина стала еще плотнее. Настолько, что даже пылинки в свете свечей, казалось, замерли в полете. Медленно, с чувством выполненного научного эксперимента, я подняла взгляд. Он смотрел прямо на меня. В его темных, как ночное небо, глазах не было ни любопытства, ни злости. Только холодная, как сталь его меча, уверенность и монументальная правда человека, который точно знает, кто здесь враг, а кто – мебель.

– Моя функция – обеспечить, чтобы Вы, пришедая, не нанесли Короне вреда своими колдовскими фокусами, – его голос был под стать всему остальному – ровный, безэмоциональный и твердый, как гранитные плиты под ногами.

Раз уж моя производительность труда все равно упала до нуля из-за этого ходячего памятника служебному рвению, можно было потратить минуту на просветительскую деятельность.

– Мои «фокусы», капитан, называются элементарной математикой. Это такая особая магия, которая помогает понять, почему в казне денег значительно меньше, чем должно быть. Боюсь, это заклинание для Вас слишком сложное. Требуется наличия специфического артефакта под названием «мозг». Это, во-первых. А во-вторых – Анна.

На его каменном лице не дрогнул ни один мускул. Он даже не моргнул. Если бы я не видела, как едва заметно вздымается его грудь, я бы всерьез заподозрила, что король в качестве надзирателя приставил ко мне очень реалистичную,

но совершенно бесполезную статую.

– Я видел ведьм, которые тоже начинали с цифр и знаков на бумаге, – его голос был ровным, как поверхность застывшего озера. Ни ряби, ни эмоций. Просто констатация факта из его простого, черно-белого мира. – А заканчивали на костре.

Ну конечно. Куда же без них, когда дело касается женщины, которая умеет складывать два и два, не прибегая к помощи пальцев рук и ног. На мгновение где-то на самом дне моего рационального сознания мелькнул неприятный холодок. Образ костра, сухого хвороста и ликующей толпы был на удивление ярким. Но страх – это плохой советчик и еще худший бизнес-партнер. Я подавила его с той же безжалостной эффективностью, с какой вычеркивают безнадежные долги из бухгалтерской книги.

Я позволила себе фыркнуть. Не просто фыркнуть, а издать звук, полный презрения к подобной экономической безграмотности. Я медленно, с театральной аккуратностью оперлась локтями о стол, сцепив пальцы в замок. Время для бесплатной лекции по основам управления активами.

– Какая поразительно неэффективная трата человеческого ресурса, – произнесла я, глядя ему прямо в глаза. Мой тон был тоном аудитора, нашедшего растрату на закупках пергамента. – Сжечь потенциального налогоплательщика вместо того, чтобы просто обложить его прогрессивным налогом на колдовство. Чары первого уровня – одна ставка, при-

звыв демонов – повышенный коэффициент. Это же очевидно. Варварство и колоссальная упущенная выгода. Ваше королевство, капитан, совершенно не умеет монетизировать свои уникальные активы.

Он замолчал. Но эта тишина была иной. Прежний ледяной монолит осуждения дал трещину. В воздухе повисло нечто новое, нечто, что мой внутренний аналитик определил как... озадаченность. Где-то в глубине его отполированного доспехами сознания, кажется, скрипнула и провернулась какая-то ржавая шестеренка. Это была маленькая, почти микроскопическая победа, но на этом безрадостном поле боя она ощущалась как взятие столицы. Я с удовлетворением вернулась к свиткам, физически ощущая его тяжелый, сверлящий взгляд. Поле тотального недоверия никуда не делось, но теперь в нем была пробита брешь. Крошечная, но моя. Пробитая цинизмом и логикой.

Мы были выходцами из параллельных вселенных, случайно столкнувшимися на перекрестке королевской глупости. Он был человеком меча и приказа, продуктом мира, где правда была осязаемой, тяжелой и острой. Его реальность можно было взвесить на ладони, как эфес клинка. Моя же правда порхала невидимыми бабочками в столбцах цифр, в хитросплетениях дебета и кредита, в неумолимой логике, которую не проткнуть сталью. Для него я была аномалией, системным сбоем с неизвестными переменными. Ведьмой. Для меня он был... препятствием. Досадным, непросчиты-

ваемым риском в моем идеально выстроенном уравнении по спасению этой тонущей в долгах посудыны.

В моем мире доверие было расчетной величиной. Оно строилось на кредитной истории, на безупречной репутации, на толстой папке исполненных контрактов. Здесь же, судя по всему, его добывали в бою, скрепляли кровью и клятвами на оружии. У меня не было ни того, ни другого. Я была ходячей погрешностью. Шарлатанкой.

Как же он меня раздражал. Этот капитан. Живое воплощение всего, что я презирала: слепой веры в догмы, иррационального чувства долга, нежелания заглянуть дальше острия собственного меча. Но вот в чем заключался самый злой парадокс этой ситуации... этот гранитный истукан был моим единственным щитом. Единственным, что стояло между моим хрупким телом и этим средневековым безумием, готовым сжечь меня за знание таблицы умножения. Эта двойственность бесила сильнее всего. Он был и моей клеткой, и единственным ключом от нее.

Я снова уставилась на пергамент. На зияющие дыры в казне, на абсурдные траты и вопиющее воровство.

– Что ж, капитан, – пробормотала я, скорее для себя, чем для него, – добро пожаловать в мой мир. Здесь тоже водятся чудовища, только обитают они не в темных лесах, а в отчетных ведомостях. И чтобы их убить, меч, увы, бесполезен.

Он не ответил. Просто стоял. Серая скала, отбрасывающая длинную, удушающую тень на пыльный пол. Моя пер-

сональная Тень. Мой конвоир. Мой самый неликвидный, но, черт возьми, жизненно необходимый актив. И аудит этого актива обещал быть долгим и крайне утомительным.

Так, хватит рефлексии. Время действовать. Я откинулась на скрипучем стуле и покрутила в пальцах свою привычную ручку. Нужен план. Без четкого плана я утону в этом бумажном болоте, так и не начав его осушать. Пошарив по столу, я нашла относительно чистый свиток и принялась набрасывать пункты. Работы – непочатый край. Провести полный аудит сокровищницы – задача почти невыполнимая на данном этапе. Но вот аудит обеспечения замка... О, да. Только на одних закупках провизии и фуража можно было сэкономить целое состояние. А потом... армия. Я бросила быстрый взгляд на Кейдена, живо представив, как меня волокут на костер за одно только поползновение урезать бюджет его бравых вояк. Картина вышла забавной.

Усмехнувшись собственным мыслям, я решительно встала.

– Кабинет закрыть. Поставить у двери охрану. Чтобы ни одна душа без моего разрешения, – я сделала паузу, наслаждаясь моментом, – сюда не вошла.

Брови капитана поползли вверх, образуя на лбу монументальную складку. Он посмотрел на меня так, словно я была не просто букашкой, а букашкой, которая посмела сесть на нос чистокровному волкодаву.

– Вина не подать? – просочился сквозь его зубы сарказм.

– Можно. Но позже, – я одарила его своей самой деловой улыбкой. – А пока пойдёмте. Осмотрим сокровищницу.

– Считать прямо сейчас будете, пришедшая? – в его голосе звенел металл.

Я остановилась на полпути к двери и медленно обернулась. Моя улыбка стала острее и гораздо менее дружелюбной.

– Анна. Я уже говорила, что меня зовут Анна. И кстати, капитан... – я позволила себе крохотную паузу, глядя ему прямо в его штормовые глаза. – В эту игру можно играть и вдвоем. А теперь идёмте. Хочу просто оценить масштаб катастрофы. Воочию.

Глава 5: Авгиевы конюшни.

Ключ, который капитан Кейден вставил в замочную скважину, был не просто ключом. Это был артефакт. Кованый кусок железа размером с мое предплечье, который, казалось, должен был открывать не дверь, а ворота в какое-нибудь карманное измерение. Он провернулся с таким мучительным, протестующим скрежетом, что у меня свело зубы. Будто потревоженный дух веков, недовольный вторжением, лично закрипел своими костями.

Окованная почерневшим железом дубовая дверь поддавалась с тяжелым вздохом, выпуская наружу концентрированный дух запустения. Это был не благородный запах золота и старинных вещей, как врут в сказках. Нет. В нос ударила многослойная вонь пренебрежения. Густая вековая пыль, въедливый мышинный помет, кислая нота ветхого, отсыревшего пергамента и что-то неуловимо-тленное. Так, должно быть, пахнет сама идея порядка, скончавшаяся в этой комнате много лет назад, чей труп забыли похоронить с должными почестями.

«Авгиевы конюшни», – пронеслась в голове лаконичная, но исчерпывающая оценка. Хотя, если вдуматься, Гераклу в свое время фантастически повезло. Реки хотя бы подчиняются законам физики. Здесь же не действовал ни один известный мне закон, кроме второго закона термодинамики в

его самой уродливой форме – неумолимое стремление к абсолютному хаосу.

Кейден, молчаливый истукан, шагнул в сторону, пропуская меня внутрь. На его лице застыло выражение человека, который скрепя сердце вводит особо злокачественный вирус в операционную систему, за которую несет личную ответственность. Он нес в руке тяжелый канделябр, и пляшущие языки пламени выхватывали из мрака картины, достойные кисти безумца.

Это было кладбище забытых цифр. Вдоль стен громоздились стеллажи, их полки трагически прогибались под весом перевязанных бечевкой свитков и пухлых фолиантов в потрескавшейся, как земля в засуху, коже. Это, по всей видимости, и был позвоночник финансовой системы королевства. Позвоночник, пораженный множественными переломами и запущенным сколиозом. Некоторые книги были покрыты таким толстым слоем пыли, что напоминали заснеженные вершины миниатюрного горного хребта.

Но настоящая анархия царила дальше. Горы сокровищ были свалены в кучу так, будто их свалили сюда с телеги. Открытые сундуки, из которых, словно кровавые внутренности, вываливались золотые и серебряные монеты, тускло поблескивающие в свете свечей. Рядом, прямо на грязном каменном полу, валялись диадемы с выпавшими камнями, ожерелья, перепутанные в змеинные клубки, инкрустированные самоцветами кубки и целые россыпи драгоценных кам-

ней. Словно какой-то гигантский, капризный ребенок вытряхнул свою шкатулку с игрушками и забыл о ней.

Я замерла, едва дыша. Внутри меня развернулась настоящая битва. Финансист во мне рыдал кровавыми слезами при виде такого количества неликвидных, замороженных активов, лежащих мертвым грузом. А системный аналитик, моя истинная суть, испытывал почти физический ужас. Это было похоже на то, как если бы мне показали бэкенд государственного сайта, написанный сотней пьяных обезьян на вымершем языке программирования без единой строчки документации. Здесь не было системы. Здесь не было даже намека на нее. Это был памятник человеческой халатности, апофеоз беспорядка.

– Где главный счетовод? – мой голос прозвучал глухо и чуждо в этой гробнице финансов. Я не обернулась, не в силах отвести взгляд от этого великолепия разрухи.

– Умер. Года два назад, от лихорадки, – ровным тоном ответил Кейден.

– А новый? – спросила я, уже предчувствуя ответ.

– Король не счел нужным назначать. Говорит, они в последнее время слишком часто умирают от «лихорадки». Особенно после того, как начинают задавать много вопросов.

Какой тонкий, почти незаметный намек. Или просто констатация факта с этим каменным лицом никогда не поймешь. Предупреждение для меня, завернутое в саркастич-

ную обертку. Я подошла к ближайшему стеллажу и с опаской сняла верхний свиток. Прах ушедших эпох взметнулся в воздух облаком, заставив меня закашляться. «Приход и расход за месяц Огненного Листа, год правления короля Алрика IV». Цифры, написанные размашистым, пьяным почерком, плясали джигу. На полях красовалось жирное пятно, подозрительно напоминающее след от винного бокала. Символ эпохи, не иначе.

– Боже, мне нужен компьютер, – вырвалось у меня прежде, чем я успела прикусить язык. – Или хотя бы счеты. И ведро воды. И лет десять свободного времени.

Я бросила взгляд на Кейдена. Он стоял, прислонившись к дверному косяку, несокрушимый, как скала, и наблюдал за мной с нечитаемым выражением. Его лицо в полумраке казалось высеченным из того же камня, что и стены этой усыпальницы.

– Компьютер? – переспросил он, и в его голосе впервые проскользнула отчетливая нотка подозрения. Взгляд стал острее, словно он пытался разглядеть за моим лицом что-то еще. – Это имя демона, которого Вы призываете для своих фокусов, пришлая?

Ядовитая усмешка сама собой тронула мои губы. Я развернулась к нему лицом, чувствуя, как первобытный ужас сменяется злой, холодной решимостью.

– Это имя бога порядка и логики, капитан. Божества, которого Вам здесь отчаянно не хватает, – отрезала я. – Счи-

тать в столбик на пергаменте... Это даже не прошлый век. Это доисторическое мракобесие, за которое в моем мире сжигают на кострах профессиональной непригодности.

Я опустилась на скрипнувший стул, брезгливо, кончиками пальцев отодвигая стопку пергаментов, от которой несвеже несло тленом, пылью и мышинным пометом. Святые калькуляторы, куда я попала? Это был не архив. Это была братская могила здравого смысла.

Первая же книга, которую я с опаской открыла, оказалась финансовым отчетом. Приход: тридцать тысяч золотых. Расход: двадцать пять тысяч. Итог... три тысячи. Мой мозг, привыкший к безупречной логике таблиц Excel, на секунду завис, отказываясь обрабатывать эту ересь. Я трижды пересчитала в уме, как первоклассница. Тридцать минус двадцать пять – это пять. Пять, а не три. Две тысячи золотых. Просто. Испарились. На одной-единственной странице. Это было даже не воровство, это было оскорбление самой математике.

На следующей странице не хватало уже четырех тысяч. К концу этой проклятой книги общий дефицит, который я наспех набросала на чистом обрывке пергамента, составил сорок тысяч. Сорок тысяч золотых! Они не были украдены. Они просто растворились в кривых, как пьяная дорога, строчках и туманных пометках вроде «на непредвиденные нужды двора».

– Ваша казна не просто протекает, капитан, – пробормотала я, устало откидываясь на спинку стула и потирая виски,

где уже зарождалась мигрень. – В ней зияет дыра размером с эту комнату. И кстати, половина документов помечена как «утраченные ввиду пожара в архиве». Какой удобный, предусмотрительный пожар. Наверное, сжег только самые спорные отчеты, проявив чудеса избирательности.

– Войны и время не щадят бумагу, пришлая, – ровным, гранитным тоном ответил Кейден. Он не сдвинулся с места у дверного косяка, но я чувствовала его взгляд спиной, будто физическое давление. Он не просто охранял меня. Он наблюдал, анализировал, ждал, когда я достану из рукава хрустальный шар или лягушачью лапку. Ждал, когда проявится моя истинная, ведьминская, по его мнению, сущность.

– Войны и время не умеют так складно подделывать подписи, – ядовито-сладко пропела я и развернулась, ткнув изящно отточенным ногтем в две строчки на разных страницах. – Посмотрите. Подпись королевского казначея здесь и здесь. Разные чернила. Разный нажим, видите? Одна жирная и уверенная, другая – тонкая и витиеватая, словно ее выводила девица на первом балу. Одна из них – фальшивка. И я ставлю десять к одному, что она стоит под документом о «непредвиденных расходах» на закупку редчайших фламандских гобеленов для загородного поместья какого-нибудь безмерно преданного короне лорда.

Он молчал. В этом молчании была вся его суть. Железобетонная, непробиваемая натура. Он не станет спорить о том, в чем не разбирается. Но он и не поверит ни единому моему

слову, пока я не принесу ему отрубленную голову вора вместе с мешком золота. Что для него мои цифры? Абстракция, еще один способ солгать. Люди лгут, слова лгут, цифры – тем более. Лишь долг и сталь клинка остаются неизменными. В этом была его суровая, рыцарская философия, и, что самое досадное, в чем-то он был прав. Что такое цифра перед лицом смерти? Закорючка. Вот только именно эти закорючки кормят армию, которая держит его врагов за стенами. Этот простой факт ускользал от его мира, где все делилось на черное и белое, на «служу короне» и «умри, предатель».

Время текло, как воск по оплывающим свечам в канделябре. Восковые слезы капали на каменный пол, будто оплакивая казну. Мои глаза болели, а спина превратилась в деревянный столб. Я исписала несколько листов, пытаясь выстроить хотя бы подобие баланса, но с каждой новой книгой погружалась в трясину все глубже. Хаос не был здесь проблемой, он был фундаментом. Чтобы это разгрести, нужно было сжечь все дотла и начать с чистого листа. В буквальном смысле.

– На сегодня все, – наконец выдохнула я, поднимаясь. Голова кружилась от усталости и вековой пыли. – Если я проведу здесь еще час, мой мозг объявит дефолт и потребует реструктуризации долга сном. Отведите меня в мои покои, капитан. Ваша функция телохранителя еще не отменена, я полагаю.

Он молча кивнул, взял канделябр и пошел впереди, его

тень металась по стенам, как гигантская хищная птица. Мы шли по гулким коридорам. Его тяжелая, размеренная поступь хозяина. Мои шаги – легкий, неуверенный шорох чужачки, сбоя в отлаженной веками программе.

Наконец он остановился перед неприметной дверью. Открыл ее. Комната была скромной, но чистой: кровать, стол, стул, холодный камин. Верх аскетичного гостеприимства.

– Ваши покои, – ровным тоном сообщил он. Затем сделал шаг в сторону и распахнул соседнюю дверь. – А это мои.

Я заглянула внутрь. Его комната была спартанским зеркальным отражением моей. И между ними, возле каминов, виднелась еще одна, незапертая дверь. Смежные покои. Ну конечно. Гениально. Чтобы удобнее было подслушивать. Чтобы ни один мой чих, ни один шепот во сне не ускользнул от его бдительного уха.

Усталая, злая усмешка сама собой тронула мои губы.

– Капитан, – произнесла я, глядя ему прямо в глаза, в которых плясали отблески свечи. – Давайте не будем усложнять и проявим чудеса эффективности. Чтобы Вам было сподручнее за мной шпионить и оберегать корону от моего воображаемого демона-калькулятора, может, мне сразу перенести свои вещи к Вам? Поставим мою кровать в углу. Это будет гораздо продуктивнее с точки зрения использования ресурсов и сэкономит Вам драгоценное время на прикладывание уха к стене. Заодно сможете лично убедиться, что по ночам я не превращаюсь в летучую мышь и не улетаю с меш-

ком казенного золота через каминную трубу.

На его каменном лице, высеченном из чистого недоверия и служебного долга, впервые за весь этот бесконечный вечер что-то дрогнуло. Это не было улыбкой, способной растопить лед. И даже не ухмылкой победителя. Просто едва заметное, мимолетное сокращение мышцы у самого уголка губ, словно внутри гранитной статуи на секунду проскочила электрическая искра. Взгляд, который до этого буравил меня, как сверло инквизитора, на мгновение изменился. В ледяной глубине его глаз, помимо привычного долга и подозрения, мелькнула крупца... узнавания. Возможно, той самой горькой, циничной иронии, которую он так тщательно прятал под маской непробиваемого служаки. Он оценил мой выпад. По-своему.

– Ваше чувство юмора столь же странное, как и Ваши методы счета, пришлая, – произнес он ровно, и в этом «пришлая» прозвучало столько же презрения, сколько и констатации факта. – Спокойной ночи.

Он развернулся, чтобы уйти, и этот жест – молчаливый, окончательный, будто я была не более чем досадной помехой, которую он обошел и забыл – уколол мое самолюбие до самой печенки. Нет, дружочек, так дела не делаются. Я могу быть голодной, напуганной до чертиков и заброшенной в мир, где доспехи – это не реконструкторский фетиш, а повседневная одежда, но я все еще Анна. А Анна не позволяет себя списывать со счетов.

Я резво обошла его и встала прямо на пути, заставляя упереться в меня взглядом. Я видела в его глазах все: раздражение, усталость и тотальное недоверие, приправленное толикой сарказма. Что ж, два сапога пара. Я мобилизовала все остатки сил и постаралась пристроить на лицо ту самую обезоруживающую улыбку, которая в моем мире открывала двери, разряжала обстановку и пару раз даже спасала от штрафов за парковку.

Судя по тому, как его брови сошлись на переносице, образовав грозную морщину, здесь этот прием работал с точностью до наоборот. В его глазах я, видимо, выглядела как мошенница, пытающаяся впарить ему просроченный товар. Ну ладно, будем работать с тем, что есть.

– В моем мире, когда меня выдернули, был уже поздний вечер, плюс здесь я уже сколько... хотелось бы понять систему передачи данных на расстоянии, – начала я издалека, с самым деловым видом, на какой была способна. Он молчал, и в его глазах плескалось такое непонимание, будто я читала ему лекцию по квантовой физике на древнеарамейском. Пришлось упрощать. – Как заказать доставку питания? И помнится, – я позволила себе нотку капризного упрека, – мне обещали вино. Сейчас будет в тему. В качестве антидепрессанта и для храбрости. И да, меня моя одежда пока устраивает, но мне кажется, у людей возникнут вопросы. Слишком много вопросов.

Он слушал меня с ледяным спокойствием хищника, кото-

рый уже решил, что будет делать с жертвой, и просто дает ей выговориться. И вот тогда он ухмыльнулся. Не улыбнулся, а именно оскалился – коротко, хищно, без капли тепла. Он прошелся по мне взглядом. Не просто посмотрел, а совершил наглую, бесцеремонную инспекцию. Медленно, оценивая, будто я не финансовый спаситель нации, а кобыла на ярмарке. Его взгляд скользнул от моего лица, задержался на шелковой блузке, пропутешествовал вниз по юбке-карандаш до моих шпилек и с откровенным презрением вернулся обратно. Это был тот самый взгляд, за который в моем мире можно было не только потерять работу, но и огрести по суду за харассмент.

– В таком бесстыдном наряде, – его голос был низким, скрежещущим, как гравий под сапогами, – даже портовые шлюхи не осмелятся выйти на люди днем.

Секунда оглушительной тишины. Воздух, казалось, сгустился и зазвенел. Мой мозг, перегруженный цифрами и отчетами, на мгновение завис, обрабатывая эту дремучую, пещерную наглость. Мой костюм от Hugo Boss. Моя шелковая блузка. Мои туфли от Jimmy Choo. Шлюха?!

– Капитан, ты охамел?! – рявкнула я так, что, кажется, в соседнем зале с портретов посыпалась пыль. Я сама не заметила, как перешла на «ты», срывая все маски этикета. Вся моя усталость испарилась, сменившись чистой, дистиллированной яростью.

– На мне деловой и, – я выделила это слово, прошипев

его, как змея, – ПРИЛИЧНЫЙ костюм моего мира! Это униформа для работы, а не для панели, твой мозг в латах это способен осознать?

Он даже не шелохнулся. Только чуть склонил голову набок, будто моя истерика его забавляла. На лице играла все та же мерзкая, самоуверенная ухмылка.

– Угу... – хмыкнул он, и этот звук был концентрированным ядом. – Интересно представить, какие «дела» Вы проворачиваете в таком виде. Наверное, очень прибыльные.

Это был удар ниже пояса. Он не просто оскорбил меня, он попытался обесценить мой профессионализм, свести все к банальной проституции, чтобы выбить меня из колеи, унижить, показать мое место. Показать, что я здесь никто – просто баба в странных тряпках. И знаете что? У него почти получилось. На секунду мне захотелось разреветься от бессилия и обиды. Но потом я вспомнила квартальные отчеты, бессонные ночи и начальников-самодуров похуже этого экземпляра. Меня таким не сломать.

Я медленно выдохнула, выпуская пар. Посмотрела на этого дремучего самца в военной форме, на его полное нежелание понимать что-либо за пределами его мира мечей и интриг. Спорить с ним – все равно что читать лекцию по термодинамике камню. Бесполезно и энергозатратно.

Я демонстративно поправила юбку и сложила руки на груди. Взгляд – холодный. Голос – ровный, как бухгалтерская отчетность.

– Да чтоб Вы понимали... – устало вздохнула я, возвращаясь к официальному «вы», которое теперь звучало холоднее арктического льда. – Давайте вернемся к нашим баранам, капитан. Итак: ужин, вино и нормальная одежда для меня.

– Я бы с радостью помог, пришлая, но с этого дня казна закрыта.

От этого «пришлая», брошенного с холодным пренебрежением, и от этой ухмылки у меня по спине пробежал не просто холодок – там пронесся ледяной шторм. В этот самый миг я с абсолютной, ужасающей ясностью поняла, о чем он думает. Я прямо видела по его глазам, что так. Что он уже подобрал дальний и тихий уголок сада под старой плакучей ивой и теперь прикидывает в своем практичном, капитанском уме, как меня сподручнее будет закопать. Без лишнего шума и бумажной волокиты. Лишняя переменная в его безупречном уравнении порядка, инородное тело, которое проще устранить, чем изучать. И в его глазах я не стояла даже той еды, о которой просила.

Страх был липким и тошнотворным, но поверх него, как спасательный круг, всплыла моя врожденная наглость. Если я покажу ему этот страх, он меня сожрет и не подавится.

– Пфф... – вырвалось у меня почти само собой, эдакий легкомысленный звук, совершенно неуместный в данной ситуации. Я увидела, как его бровь дернулась от удивления. Отлично, сбой в программе. – А если я найду? – я склонила голову набок, глядя на него с самым невинным видом. – По-

верьте, капитан, мне же хватит и наглости, и желаний найти и кухню, и поесть. А я дама увлекающаяся. Так что я могу мимоходом провести там ревизию на предмет соответствия санитарным нормам и, знаете ли, закрыть еще и ее до окончания служебной проверки. Устроим Вам маленький бюрократический апокалипсис. Вы же не хотите, чтобы Ваши brave гвардейцы остались без еды из-за какой-то формальности?

На секунду в его глазах мелькнуло что-то похожее на ступор. Он, начальник королевской стражи, привыкший к приказам, сражениям и беспрекословному подчинению, явно не был готов к угрозе аудиторской проверки от непонятной женщины в юбке до колена. Он ожидал слез, мольбы, чего угодно, но не этого. Я победила. Маленькая, локальная победа, но она была слаще любого вина.

– Жди, – бросил он раздраженно, уже не глядя на меня. Развернулся так резко, будто отмахивался от назойливой мухи, и зашагал прочь, чеканя шаг по каменным плитам.

А я осталась стоять посреди коридора, чувствуя, как мелко дрожат руки. Победа победой, но мысль о тихом уголке сада все еще не отпускала. Ладно, Аня, сначала вино. А разбираться с тем, как не стать удобрением для королевских роз, будем потом.

Пока Кейден где-то там изображал гостеприимство, я решила устроить более тщательный круг почета по моим «роскошным апартаментам». Ну а что, надо же знать территорию своей тюрьмы. Вдруг тут есть потайная кнопка, открываю-

щая проход в Нарнию? Или хотя бы в винный погреб. Но нет, чуда не случилось. Стены по-прежнему оставались просто стенами, мебель – унылым набором необходимого минимума, а надежда на то, что тут материализуется приветственная корзина с фруктами и шампанским, испарилась, так и не родившись.

Мой взгляд упал на камин. Величественный, с почерневшим от сажи камнем, он мог бы стать центром уюта в этой промозглой камере. Мог бы, если бы не одно «но». В дровнице было так же пусто, как в душе моего нелюбезного «опекуна». Ни единого полена. Гостеприимство восьмидесятого уровня. Мне не просто не рады, мне это демонстрируют всеми доступными способами. Холодно? Ну так это твои проблемы, пришлая.

Я уже почти смирилась с перспективой превратиться в ледышку, когда мой взгляд зацепился за едва заметный стык в на стене напротив камина. Дверь! Сердце на миг подпрыгнуло в какой-то идиотской, совершенно неоправданной надежде. Может, это выход? Потайной ход для любовниц короля, чтобы сбегать от ревливой королевы? Я толкнула ее с замиранием сердца.

За дверью оказался... санузел. Впрочем, даже это было открытием. Скромное помещение, облицованное серым камнем, на удивление напоминало ванные комнаты из старых земных пансионатов где-нибудь на побережье. Медный кран странной изогнутой формы, раковина, похожая на

большую чашу, и то, что, видимо, служило ванной – глубокая каменная ниша. Я повернула вентиль, и из крана полилась вода. Ледяная. Ну разумеется. И все же, я испытала укол почти детской радости. Спасибо и на этом. По крайней мере, не деревянная лохань, в которую нужно таскать воду ведрами из колодца во дворе. Прогресс налицо.

Вернувшись в комнату, я почувствовала, как холод камня пробирается сквозь подошвы туфель. Хотелось закутаться во что-то, но единственное одеяло на кровати выглядело не слишком вдохновляюще. Я подошла к огромному стрельчатому окну и, облокотившись на широкий подоконник, выглянула наружу.

Время здесь, похоже, не страдало креативностью и текло с той же унылой скоростью, что и на Земле. За окном предсказуемо сгустилась тьма, превратив райский сад в чернильное пятно с неясными силуэтами. Холод каменных стен стал ощутимее, и я уже всерьез подумывала, не разобрать ли на дрова несчастный стул.

В отместку за его «гостеприимство» я мысленно окрестила капитана «аборигеном». Просто, емко и с легким налетом превосходства, которого у меня, разумеется, не было ни на грош. Пока его не было, я даже успела набросать в уме новый, улучшенный райдер для пленницы. Первый пункт: горячая вода. Второй: что-нибудь съедобное, что не пыталось меня убить до того, как попало в котел. Третий: вино. Много вина. Четвертый, самый наглый: книга. Хоть какая-нибудь.

Даже устав караульной службы подошел бы, просто чтобы было чем занять мозг.

Дверь распахнулась без малейшего намека на стук, с той бесцеремонностью, с какой открывают дверь в чулан. Словно это не комната, а проходной двор в его личном замке. Хотя, по сути, так и было. На пороге стоял он, мой личный тюремщик, «абориген» во плоти. И с пустыми руками.

Я уже приготовилась выдать едкую тираду о нарушении личных границ и пустых обещаниях, но не успела. Из-за его спины выскользнули две девушки, тихие, как мышки, в простых серых платьях. Две тени в одинаковых передниках, они пронесли мимо меня подносы, от которых исходил божественный аромат. Аромат жареного мяса, свежего хлеба и чего-то пряного ударил в нос, заставив желудок исполнить жалобную арию. С беззвучной эффективностью роботов-пылесосов они расставили все на столе и так же бесшумно испарились, прикрыв за собой дверь.

А Кейден остался.

Он просто стоял, прислонившись плечом к косяку, и наблюдал. Скрещенные на груди руки, непроницаемое лицо, взгляд, который, казалось, сверлил во мне дыру. Я проигнорировала его, сосредоточившись на добыче. Мой взгляд скользнул по столу. Графин с рубиновым вином. Еще один с водой. Тарелка с дымящимся мясом, овощами, хлеб...

И еще одна тарелка. Напротив моей. И приборы на две персоны.

Сердце сделало кульбит. Так, стоп. Я замерла, переводя взгляд со второй тарелки на неподвижную фигуру капитана. И что это значит? Последний ужин с палачом? Он решил лично проконтролировать, чтобы я не отравилась, и в случае чего, добить собственноручно? Или это какой-то новый вид изощренного допроса: «ешь, а я посмотрю»? Все мои остро-ты и сарказм моментально улетучились, оставив после себя звенящую пустоту, наполненную недоумением.

Вечер определенно переставал быть томным. И мой новый райдер, кажется, только что пополнился еще одним пунктом: выяснить, какого черта происходит в голове у этого саркастичного «аборигена».

– Присаживайтесь.

Голос прозвучал так, будто мне милостиво даровали право взойти на эшафот с удобствами. Я окинула взглядом стол, сервированный на две персоны, и фигуру капитана, застывшую у двери.

– В ванную комнату я буду ходить тоже с сопровождением? – не удержалась я от шпильки, изгибая бровь с самым невинным видом, на какой была способна.

– Если понадобится, – без тени улыбки, с уверенностью человека, который никогда не блефует, кивнул он.

Кажется, границы моей новообретенной «свободы» были очерчены с предельной ясностью. Мой сарказм отскочил от него, как горох от каменной стены.

Он не стал садиться напротив. Вместо этого он молча раз-

вернулся и вошел в смежную дверь, которая, вела в его покои. На секунду я даже понадеялась, что он передумал и решил оставить меня в покое с моим ужином. Но нет, он вернулся. С еще одним стулом. Для себя. Он принес стул из своей комнаты. Этот простой жест почему-то поразил меня больше, чем вся предыдущая демонстрация власти. Это не был спонтанный ужин. Это было заявление. «Я здесь надолго. Привыкай».

Я молча наблюдала за этим театром одного зрителя и одного непостижимого актера. В моей голове не было ни одной здоровой мысли, только калейдоскоп издевательских предположений. Пытаться понять логику этого «аборигена» было все равно что пытаться разгадать кроссворд на неизвестном языке. Бессмысленно и утомительно. Проще подождать, пока он сам соизволит объяснить правила игры.

Наконец, мы сели. Он – скала, источающая молчаливую угрозу. Я – актриса, притворяющаяся, что мне абсолютно все равно. Расстелив салфетку на коленях, словно я была на приеме у короля, а не под надзором его цепного пса, я собрала в кулак все свое ехидство и с лучезарной улыбкой пожелала: – Приятного аппетита, не подавитесь.

Его взгляд, который он оторвал от своей тарелки, был ответом. Холодный, острый, как скальпель. Он не просто посмотрел, он меня препарировал, разложил на атомы, сжег и собрал обратно, оставив на ментальном пепелище недвусмысленное послание: если кто здесь сегодня и подавится, то

это буду точно не я.

Пришлось заткнуться и сосредоточиться на еде. И, боже, еда была божественной. Мясо, нежное, сочное, буквально таяло во рту. На какое-то время я забыла, где нахожусь, упиваясь простыми радостями жизни. Утолив голод физический, я ощутила, как просыпается другой голод – информационный. Тишина за столом становилась невыносимой.

– Капитан, – обратилась я к нему, стараясь придать голосу максимум дружелюбия, которое удалось наскрести на самом дне души, где оно пряталось от жизненных невзгод. – Сервис в этом замке, конечно, выше всяких похвал. Но не раскроете ли Вы, как главный по тарелочкам, пару маленьких бытовых тайн? Например, как сделать в этой очаровательной криокамере потеплее, и, может быть, существует какой-то секретный ритуал для получения горячей воды в ванной? Жертвоприношение девственницы или танец с бубном вокруг водопровода?

Он медленно, с демонстративной тщательностью прожевал кусок. Отложил вилку и нож, выстраивая их на тарелке с математической точностью. Промакнул губы салфеткой. И только потом соизволил поднять на меня свои невыносимо пронизательные глаза.

– Разве Вас, приходя, не учили в Вашем мире хорошим манерам? За едой положено есть, а не вести светские беседы.

Ах, вот как мы заговорили. Что ж, ты сам напросился, солдафон.

– Вы удивитесь, мой милый абориген, – на этом слове его бровь медленно, но неотвратимо поползла вверх, подтверждая мою догадку о незнакомом термине, – чему меня только не учили. Но мы же с Вами не на званом королевском ужине, правда? У нас тут так, скромный междусобойчик. В тесном, удушающе тесном кругу, так сказать.

– Абориген? – в его голосе прозвенела сталь. Он ухватился за слово, как голодная пиранья за палец.

– Ну да, – с энтузиазмом подхватила я, входя в роль лектора для особо одаренных. – Коренной житель экзотического, порой даже дикого племени, которое с большим научным интересом изучает заезжий антрополог. Ну, то есть, такой специальный человек, который изучает всякие диковинные племена и их странные, не всегда логичные нравы. – Я сделала многозначительную паузу, наслаждаясь выражением его лица, на котором смесь недоумения и плохо скрываемого раздражения боролась за первенство. Это была маленькая, жалкая, но от этого не менее сладкая победа. Я уколола его, и он это почувствовал. Счет 1:1 в мою пользу.

Я, конечно, понимаю, что самозабвенно танцую джигу на краю действующего вулкана. Но отказать себе в этом маленьком, но таком остром удовольствии, нет никакой физической возможности. Адреналин от словесной дуэли с начальником королевской стражи – это почти так же хорошо, как горячий шоколад в промозглый вечер. Почти. Горячий шоколад согревает и дарит уют, а это – обжигает, как глоток чистого

спирта, бьет по нервам и заставляет кровь бежать быстрее. Пусть даже не мечтает, что может смотреть на меня сверху вниз, как на диковинную лабораторную зверушку, которую можно препарировать одним только взглядом. Нет уж, милый. Как корабль назовешь, так он тебе и помашет ручкой с мостика тонущего «Титаника». Я свой корабль назову «Непотопляемая Стерва Анна».

На его лице застыла безупречная маска аристократа-воинки, но я-то видела, как под идеально выбритой кожей заходили желваки. Он молчал, и тишина в комнате стала такой плотной, что казалось, она вот-вот треснет, как перекаленное стекло. Я играла с огнем, и этот огонь, к моему стыду, был чертовски притягательным. Что поделать, тяга к саморазрушению, видимо, вшита в мою базовую комплектацию.

Вместо ответа он неспешно, с грацией хищника, выходящего на охоту, взял графин. Движение было плавным, отточенным, как у фехтовальщика, достающего клинок. Он наполнил два бокала тяжелым, рубиновым вином, одним этим жестом создавая в этом ледяном склепе абсурдную иллюзию уюта. Протянул бокал мне.

– Кажется, Вы хотели вина... – его голос был ровным, бархатным, но с лезвием под бархатом. Он сделал театральную паузу, глядя мне прямо в душу своими невозможными глазами, и его губы тронула едва заметная, но оттого еще более ядовитая усмешка. – Пришлая.

Браво, Кейден. Туше. Он вернул мне мой удар. Красиво,

точно, без суеты и лишних эмоций. Я мысленно поаплодировала. Этот солдафон оказался куда более достойным противником, чем можно было предположить.

Я плотоядно улыбнулась в ответ, принимая бокал. Наши пальцы на миг соприкоснулись. Всего лишь доля секунды, но по руке словно прошел разряд статического электричества, неприятный и бодрящий одновременно. Контраст его теплой кожи и ледяного стекла заставил вздрогнуть.

– Вы, аборигены, так трогательно милы в своей прямолинейности. Но если серьезно, – я сделала демонстративно большой глоток, чувствуя, как терпкое тепло обжигает горло и разливается по телу, – в этих ваших королевских покоех такой дубак, что я рискую к утру превратиться в симпатичный экспонат для музея ледникового периода. А помыться я, конечно, могу и в ледяной воде, мне не привыкать. Вы ведь не жили в моем мире, где коммунальные службы – это капризные, мстительные божества, требующие ежегодных жертв в виде твоих нервных клеток. Стабильно раз в год, обычно в самый неподходящий момент, ты гарантированно переносишься на пару веков назад и начинаешь священный ритуал «помойся из тазика», предварительно нагрев воду в кастрюльке на плите. – Я поделилась с ним тяготами цивилизации с видом мученицы, в одиночку пережившей зомби-апокалипсис. – Так что холодная вода меня не пугает. А вот перспектива подхватить воспаление легких в чужом мире, где из медицинского страхования у меня только подо-

рожник и надежда на лучшее... как-то не прельщает.

Он пялился на меня. Нет, не так, как мужчина смотрит на женщину. Он смотрел на меня, как на системный сбой. Как на пиксельную кляксу на безупречной картине мира, которую ему поручили охранять. Его взгляд был не просто изучающим, это был полноценный сеанс отладки: он будто пытался прожечь мою черепную коробку и найти там строчку кода с ошибкой, чтобы понять, как меня, черт возьми, деинсталлировать из его реальности. В его глазах читалась отчаянная попытка найти хоть какую-то инструкцию по эксплуатации «попаданки, версия 1.0, нестабильная», желательно с главой «Быстрое и бесшумное устранение».

Наконец, он издал глубокий, страдальческий вздох. Это был не просто выдох усталости. О нет. Это был звук, который издает человек, всю жизнь собиравший пазлы, которому вдруг подсунули кусок от мозаики из другого набора, да еще и из параллельной вселенной. Это был звук капитуляции логики перед лицом абсурда, который нельзя ни проткнуть мечом, ни классифицировать по уставу. Звук крушения его идеально упорядоченного мира.

– Если быть до конца откровенным, – его вдруг прорвало, и в голосе прорезалась такая смертная усталость, что он стал похож на человека, а не на ожившую статую воина, – я до последнего не верил, что ритуал старика Фаэлана сработает. А если и сработает, то не придется сразу... избавляться от последствий.

Ах, вот оно что. «Избавляться от последствий». Какой изящный, какой поэтический местный эвфемизм для банальной утилизации. Для процесса «проткнуть надоедливую аномалию мечом и прикопать за конюшней, чтобы не воняла». Очаровательно. Я лениво покрутила бокал, наблюдая, как рубиновое вино бьется о хрустальные стенки. Маленькая, карманная вселенная, подчиняющаяся законам физики, а не капризам бородатых магов. Единственный островок порядка в этом хаосе. Хоть что-то, что я могу контролировать.

– Какая трогательная прямота, капитан. – Мой голос сочился медом, под которым скрывался чистый яд сарказма. – Предлагаю зарыть Ваш гипотетический топор войны. Желательно не в моей спине. Вы, может, не заметили, но мы с Вами по уши в одной и той же субстанции. Я для Вас – ходячее нарушение всех мыслимых параграфов и главный кандидат на головную боль года. А вы для меня... скажем так, не самый гостеприимный портье в этом пятизвездочном аду.

Я подняла на него глаза, вложив в них все свое актерское мастерство, чтобы изобразить готовность к конструктивному диалогу, а не паническую атаку в шаге от истерики.

– И больше всего на свете, – я сделала паузу, и слова вырвались с сиплым выдохом, будто я выхаркнула кусок стекла, – я хочу вернуться домой.

Вместе с этими словами наружу прорвалась и правда. Та самая, которую я гнала от себя с момента появления здесь. Признание не ему – себе. Это несбыточная, идиотская меч-

та. И от этой мысли внутри мгновенно воцарился арктический холод. Даже если местные гении потратят на обратный ритуал пару лет моей драгоценной жизни – а торопиться они точно не станут, я для них экспонат, а не клиент, – где гарантия, что портал не выплюнет меня прямиком в пасть тиранозавру? Или, что еще веселее, не размажет тонким слоем по изнанке мироздания? Мысль о том, что мои атомы станут космической пылью, была до противного будничной и оттого еще более жуткой.

Но ему всего этого знать было не обязательно. Я натянула на лицо дежурную улыбку номер три: «Все под контролем, граждане, расходимся, здесь не на что смотреть». Маска адекватности и здравого смысла. Пусть смотрит на нее и думает, что я всего лишь неприятная, но вполне решаемая бюрократическая задача. А тот звенящий, липкий ужас, ту холодную, как могильная плита, обреченность, что поселилась в душе, я оставляю себе. В конце концов, в этом дивном новом мире это единственный мой неотчуждаемый актив. То, что по-настоящему принадлежит только мне.

Он просто кивнул. На мою пламенную, почти исповедальную тираду о зарывании топора войны и отчаянном желании вернуться домой он ответил... кивком. Просто коротким, деловитым кивком человека, который только что выслушал рапорт подчиненного. В его глазах я не увидела ни капли сочувствия, лишь холодный расчет и тень все того же застарелого недоверия. Яснее ясного прочитала в этом же-

сте: «Мир-миром, ведьма, но досье на тебя уже заведено, и папочка лежит у меня на столе сверху».

Для него я так и осталась пришлой аномалией, ходячей проблемой с неизвестными переменными. И наше хрупкое «перемирие» – не более чем временная инструкция по эксплуатации. Я не сомневалась ни на секунду, что он пустит меня в расход, как только мои действия отклонятся от предписанного им курса хотя бы на миллиметр. Не со зла, нет. Просто из соображений эффективности и государственной безопасности. Я для него не человек, а потенциальная угроза, которую нужно либо контролировать, либо ликвидировать. И эта мысль холодила похлеще любого северного ветра.

Кейден осушил свой бокал одним глотком, будто смывая послевкусие от нашего неприятного, но необходимого разговора. Затем он молча указал на инкрустированную камнями пластину на стене. Артефакт вызова служанки. Местный аналог кнопки «вызов персонала», только с магией и, вероятно, без профсоюза. Стоило ему коснуться камня, как дверь почти бесшумно отворилась, и на пороге возникла девушка в форме. Она явилась так быстро, будто все это время стояла за дверью, затаив дыхание. Получив краткий приказ убрать со стола и разжечь камин, она безмолвно приступила к работе, а я почувствовала себя экспонатом в музее.

А потом была демонстрация главного чуда техники этого мира, заставившая иронию внутри меня заплясать джигу. Кейден провел меня в ванную комнату – и ткнул пальцем в

сложный механизм из медных труб.

– Вот тут греется вода. Повернете этот вентиль – пойдет горячая. Осторожнее, можно ошпариться.

И в этот момент до меня дошла вся глубина его цинизма, которая могла бы поспорить с моим собственным. Я едва сдержала смехок. В этом жесте не было ни грамма заботы о моем комфорте. Это была чистая, незамутненная практичность начальника стражи. Не заболеешь от переохлаждения, не ошпаришься до волдырей, не устроишь потоп – меньше бумажной волокиты для его ведомства. Меньше проблем для него лично. Он не проявлял гостеприимство. Он просто инструктировал ценный, но нестабильный актив перед помещением на временное хранение. И эта горячая вода, это потрескивание дров в камине – все это было не для меня, Анны. Это было для «объекта», который должен оставаться в целости и сохранности до дальнейших распоряжений. И от этой холодной, деловитой «заботы» на душе стало еще более тоскливо и одиноко.

Дверь в смежную комнату закрылась с тихим щелчком, который прозвучал в моих ушах как выстрел стартового пистолета. Наконец-то. Тишина. Хотя какая к черту тишина? Это было затишье перед бурей, которую мне самой предстояло устроить. Я была не одна. Там, за этой стеной, толщиной с мою ипотеку в прошлой жизни, замер ОН. Ходячий устав караульной службы, воплощение порядка, который споткнулся о хаос моего появления. Я почти физически ощущала, как

он прислушивается, анализируя каждый шорох и, я уверена, мысленно составляя протокол моих потенциальных диверсий, от попытки поджечь гобелен до взлома казны с помощью скрепки и нецензурной лексики. В этой звенящей пустоте я вдруг поняла, что же пугает меня больше: финансовая дыра размером с Марианскую впадину, в которую неслось это королевство, или холодная, стальная уверенность в глазах человека за стеной, для которого я была не более чем багом в системе. Досадной ошибкой, подлежащей скорейшей утилизации.

Мой взгляд зацепился за край кровати. Там, идеально ровной стопкой, лежали белоснежные полотенца, пушистый халат и... о, святые балансовые отчеты. Ночное НЕЧТО. Не сорочка даже, а какой-то гибрид рясы и мешка для картошки, скроенный по лекалам самой ханжеской инквизиции. Целомудренный балахон до самых пят, фасона «прощай, самоуважение», из такой плотной ткани, что мог бы, наверное, остановить не только арбалетный болт, но и любое желание жить. Какая прелестная, ядовитая ирония. Очень в духе Кейдена. Он не просто меня охранял. Он пытался заархивировать меня в самый целомудренный, асексуальный и безликий zip-файл, лишив любой индивидуальности.

Я снова наполнила тяжелый бокал терпким, почти черным вином, которое он оставил, и рухнула на мягкие перины, поджав под себя ноги. Первая волна отчаяния, которую я так мастерски держала в узде при нем, подкатила к гор-

ду соленой горечью. Захотелось швырнуть этот бокал в стену, чтобы рубиновые брызги расцвели на стенах, как кровавый тест Роршаха моего душевного состояния. Захотелось завывать так, чтобы в замке вылетели все стекла. Разнести эту комнату к чертям собачьим, а потом свернуться на дорогах коврах и биться в истерике до полного обезвоживания. Ледяная змея паники начала затягивать удавку на моей диафрагме, и самым страшным было абсолютное, космическое одиночество. Пожаловаться? Кому? Собственному испуганному отражению в темном стекле, за которым маячил враждебный мир, где даже у белок, наверное, есть профсоюз и медицинская страховка?

Я осушила бокал одним глотком, заставив винное тепло вступить в неравный бой с внутренним ледником. Дохлебав остатки, я налила снова. Но этот бокал был уже другим. Это был уже не бокал жалости к себе. Это был боевой кубок. Мой личный Грааль. Хватит. Сопли? Оставим на потом. Для пышных поминок по моей загубленной молодости и остаткам нервных клеток. Сейчас – время работать. Работа – моя единственная доступная магия, мой персональный эквивалент фэйербола, единственное, что всегда приводило мысли в порядок и давало пьянящую иллюзию контроля над хаосом.

Я хлопнула рукой по артефакту вызова служанки.

– Бумагу, – приказала я появившейся девушке, стараясь, чтобы голос звучал как сталь, а не как дребезжащая консерв-

ная банка. – Очень. Много. Бумаги. И еще вина.

Когда передо мной легла внушительная стопка чистого, дорогого пергамента, я почувствовала, как внутри просыпается старый добрый профессиональный азарт. Так, Анна, соберись. Копаться в этих древних, покрытых вековой пылью фолиантах – все равно что пытаться поставить клизму мумии. Бессмысленно, негигиенично и результат предсказуем. Я и без них знала, что там не «упс, ошибка вышла», там полноценный финансовый Чернобыль в пергаментном переплете. Так что собираем всю эту макулатуру и торжественно сжигаем во дворе. Исключительно для поднятия боевого духа населения в моем лице.

План родился мгновенно, четкий и безжалостный, как лезвие гильотины.

Пункт первый: Тотальная инвентаризация. Начать с абсолютного нуля. Пересчитать каждую проклятую золотую монету, каждый драгоценный камень и каждую серебряную ложку, которую еще не успели утащить предприимчивые слуги.

Пункт второй: Жесткое бюджетирование. Никаких больше «общих котлов», из которых хлебают все, кому не лень. Армия – отдельной строкой. Хочу знать до последнего медяка, во сколько казне обходится каждый начищенный сапог его, Кейдена, гвардейцев и каждое перышко на их идиотских шлемах. Двор, замок, кухня, конюшни – все по разным счетам. Дебет, кредит, баланс. Пусть учат новые слова. Это бу-

дет полезнее, чем вышивание крестиком.

Пункт третий: Беспощадная оптимизация. Пройтись по списку придворных должностей хирургическим скальпелем. Уверена, половину этих «советников» и «хранителей королевских пуговиц» можно без малейшего ущерба для государства отправить удобрять навозом королевские розы.

И пункт четвертый. Вишенка на этом прокисшем торте. Самое опасное и самое сладкое. Залезть в долговые и налоговые книги местного дворянства. Проверить их «пожертвования» короне и сопоставить с их реальными доходами. И, что самое веселое, постараться после этого не закончить свои дни с милым стилетом между ребер или обнаружить в утреннем чае редкий паралитический яд.

Да, выжить после такого аудита будет задачей со звездочкой. Но внезапно я поняла, что ледяная змея обреченности ослабила хватку. Она не исчезла. Она просто сменила специализацию. Из удавки она превратилась в холодный, сосредоточенный азарт хищника, учувшего след крупной, жирной добычи.

Что ж, Кейден, ты хотел, чтобы ведьма занялась делом? Будь осторожен со своими желаниями. Эта ведьма открывает сезон охоты. И счет будет выставлен каждому.

Позже в кабинете Его Величества Элариона.

Тяжелая дубовая дверь в королевский кабинет скрипнула ближе к полуночи, неохотно пропуская внутрь тень. Кейден, капитан королевской гвардии, вошел бесшумно, как и подо-

бает человеку, чья жизнь состояла из выслеживания и устранения угроз. Воздух в кабинете был спертый, пахнувший старым пергаментом, остывшим вином и затаенной тревогой.

Его Величество Эларион сидел за столом, заваленным свитками и отчетами, подперев голову рукой. Единственная масляная лампа отбрасывала на его лицо дрожащие тени, превращая морщины у глаз в глубокие борозды. Весь его вид был не просто усталым – он был опустошенным. Взгляд, которым он встретил своего капитана, безмолвно кричал: «Ну что еще? Какая новая напасть свалилась на мою бедовую голову?»

– Докладывай, – голос короля был сух, как прошлогодняя листва. – Как там наша иномирная спасительница? Нашла уже золотую жилу в пустой казне?

Кейден замер у стола, монументальный и непроницаемый в своей черной форме. Он позволил себе пожать плечами – жест, который он не позволил бы себе ни перед кем другим.

– Трудно сказать, Ваше Величество. Вывает к своему странному пантеону, состоящему, кажется, из сплошных дедлайнов и аудитов. Выражает крайнее недовольство сквозняками, качеством чернил и общей организацией труда в отдельно взятом королевстве.

Эларион потер переносицу.

– Кейден. Не испытывай мое терпение. Суть. Меня не интересуют ее теологические изыскания. Что она делала по делу?

– А по делу... – капитан позволил себе кривую усмешку. – Сложно оценить. Заперлась в кабинете старого казначея, будто там медом намазано. Потом спустилась в хранилище. Часа три копалась в долговых расписках, шуршала бумагами, как мышь в зернохранилище. В процессе выдвинула несколько гениальных экономических теорий. – Кейден хмыкнул, явно смакуя момент. – Например, считает, что сжигание ведьм – нерентабельно. Прямые убытки для короны.

Эларион медленно поднял бровь. На его изможденном лице это выглядело почти комично.

– Мы не сжигаем ведьм уже лет сто, Кейден. Это дурной тон. И да, это действительно нерентабельно.

– Ну-у-у, – протянул капитан, не скрывая своего ехидства. – Я счел необходимым проверить ее реакцию на потенциальные статьи расходов. Прощупать, так сказать, моральные ориентиры.

Король откинулся на спинку кресла, и оно жалобно скрипнуло под весом короны и ответственности.

– Чего ты ее кошмаришь?

– Не кошмарю, Ваше Величество, а провожу необходимую воспитательную работу, – с безупречной вежливостью поправил Кейден. Он был единственным человеком в королевстве, который мог так дерзко поправлять монарха.

– Ты ее кошмаришь, – с нажимом, отчеканивая каждое слово, повторил Эларион. – Она наша последняя надежда,

Кейден. Последний брошенный в колодец камень в надежде услышать всплеск воды, а не глухой стук. У меня даже воображения не хватает представить, что мы будем делать, если она не справится.

Вот тут маска невозмутимости на лице капитана треснула.

– Я уже высказывался по этому поводу! Ваш придворный фокусник Фаэлан притащил непонятно кого, выдернув ее из мира, где, судя по ее рассказам, люди поклоняются светящимся прямоугольникам! Где гарантии, что она не очередной шарлатан? Что ей помешает продолжить славное дело предыдущих казначеев, набивая собственные карманы? А вдруг она снюхается с нашей доблестной оппозицией? Это ведь так просто – нашептать пару дельных советов лорду Итану. А потом он на вороном коне въедет в столицу и вежливо попросит Вашу венценосную задницу освободить трон, потому что в казне не осталось денег даже на зарплату страже у ворот!

Эларион горько вздохнул и поднялся. Он подошел к высокому стрельчатому окну и посмотрел на спящий город внизу.

– Я все это понимаю, Кейден. Лучше, чем ты думаешь. Но и ты не забывай: загнанный в угол зверь не будет сотрудничать. Он будет грызть, кусаться и искать способ сбежать. Нам это надо? Нет, не надо, – сам себе ответил король, барабаня пальцами по холодному стеклу. – Нам нужен партнер, пусть и временный. Поставь себя на ее место. Ее вырвали из привычной жизни, из ее мира, бросили в нашу дыру и при-

казали разгребать чужое дерьмо. Удивительно, что она еще не попыталась сжечь дворец.

– Ну давайте тогда бал в ее честь устроим, – цинично хмыкнул Кейден. – Прикажете усыпать ее путь лепестками роз и петь дифирамбы? Может, личного менестреля выделить для поднятия боевого духа?

В глазах Элариона на мгновение вспыхнул холодный монарший гнев.

– Прекрати паясничать. Я просто прошу тебя не перегибать палку. Дави, но не ломай. Она нам нужна целой и работоспособной.

Кейден выпрямился и почтительно склонил голову, и в этом поклоне было больше формальности, чем покорности.

– Как будет угодно Вашему Величеству. Мы придем к Вам утром. Полагаю, за ночь пришедшая дама родит какие-нибудь умозаключения, которыми ей стоит поделиться с нами в первую очередь.

Король устало махнул рукой, отпуская его. Согласие. Безысходность. Он остался один у окна, глядя на свое тонущее в долгах королевство и молясь всем богам, старым и новым, чтобы чужестранка с ее дедлайнами и аудитами оказалась не просто последней надеждой, а настоящим чудом.

Глава 6: Трудовой договор и бюджетирование.

Сон – единственное, что у меня осталось от прошлой жизни. Вязкое, теплое болото блаженного небытия, где не существовало нищих королевств, пустой казны и надменных капитанов стражи с глазами цвета крепкого эспрессо без сахара. В моем сне были дедлайны, налоговые отчеты и ипотека – проблемы родные, понятные, решаемые. Сон был моим последним бастионом здравомыслия, и сейчас из этого бастиона меня выселяли с бесцеремонностью судебного пристава. Мягкая, но настойчивая тряска за плечо была сродни удару тараном по воротам моей личной крепости.

– Леди Анна, время пробуждаться, – пробился сквозь гул в голове незнакомый женский голос, тонкий и тревожный.

Леди? В какой момент я успела проапгрейдиться до этого сомнительного статуса? Не припомню, чтобы я удачно вышла замуж за обанкротившегося графа или, рискуя маникюром, вытащила из пасти грифона любимую болонку королевы. Мой мозг, привыкший к логике и таблицам Excel, отчаянно пытался найти файл с соответствующим событием, но выдавал только ошибку 404. Реальность ускользала, как зарплата в первую неделю после получения.

– Леди Анна, прошу Вас, проснитесь. Лорд Кейден велел

передать, что придет через час. И заберет Вас в том виде, в каком застанет.

Кейден. Это имя сработало лучше любого дефибриллятора. Оно ударило под дых, вышибая остатки сна и возвращая меня в кошмарную явь. Память, услужливая сволочь, тут же развернула передо мной всю картину: попадание в мир, застрявший где-то между поздним Средневековьем и ранним идиотизмом; экономическая дыра размером с Большой каньон, куда со свистом улетало это королевство; и он. Капитан королевской гвардии. Ходячий комплекс превосходства. В ушах тут же зазвенело его холодное, чеканное: «Пришлая». Он не просто говорил это слово, он клеймил им, выжигал на лбу невидимый, но от этого не менее унижительный знак.

С усилием, будто раздвигая сваренные суперклеем веки, я приоткрыла глаза. Мир немедленно взорвался болью. В моей черепной коробке развернулся полноценный металлургический комбинат, где бригада гномов-стахановцев с энтузиазмом била молотами по наковальне, празднуя начало нового трудового дня. Здравствуй, похмелье. Мой верный, старый друг. Даже в другой вселенной ты нашло меня. Верность, достойная восхищения.

– Тише... ты чего так орешь... – прохрипела я. Собственный голос напоминал скрежет гравия в бетономешалке. – Который... час?

– Шесть утра, леди Анна.

Я издала стон, полный вселенской скорби, и рухнула

лицом в подушку, пахнущую лавандой и безысходностью. Шесть утра. Он не просто садист, он садист с фантазией. Этому человеку вообще знакомы понятия «биологические часы», «циркадные ритмы», «не будите спящего аудитора, и не будете посланы»? Или его каждое утро заводят специальным ключиком в спине, как механическую куклу?

Надо мной, заламывая руки, стояла молоденькая служанка. Судя по ее панике, я не просто просыпалась, а готовилась эффектно отдать богу душу прямо на белоснежных простынях.

– Имя? – мой хрип стал чуть более требовательным.

– Мари, леди.

– Мари, – я сделала глубокий, мучительный вдох, который отозвался серией болезненных толчков в висках. – Глубоко дыши. Я не помираю. Пока. Просто у меня тяжелый случай аллергии на утро. Принеси мне что-нибудь... от головы. И воды. Ведро воды. И ведро кофе. Акклиматизация, знаешь ли, – ляпнула я, пытаюсь сохранить остатки репутации.

Мари метнула красноречивый взгляд на пустой графин из-под вина на прикроватном столике. В ее глазах блеснуло понимание, напрочь лишённое сочувствия. Маленькая гадюка.

– Не могу судить об ак-кли-ма-ти-за-ции, леди, – отчетливо, по слогам, произнесла она, – но ахеронское красное весьма коварно для непривычного организма.

Ах ты ж язва малолетняя. Мне не оставили даже иллюзии

приличия. Раздражение, холодное и злое, придало сил лучше любого кофе.

– Ты все еще здесь, а не в аптекарских подвалах? – в моем голосе зазвенела сталь. – Я, как видишь, уже почти вертикальна.

Собрав в кулак волю и остатки самоуважения, я села на кровати. Мир совершил пьяный пируэт и замер. Убедившись, что «объект» не только подает признаки жизни, но и способен самостоятельно сидеть, Мари выскользнула из комнаты.

Надеюсь, за обезболивающим зельем, а не за палачом. Хотя, если подумать, топор – это тоже весьма радикальное, но стопроцентно эффективное средство от головной боли. И от Кейдена. И от шести утра. Сплошные плюсы. Надо будет внести в список возможных решений.

Пока Мари, мой личный воробушек Апокалипсиса, порхала за подмогой, я совершала паломничество к единственному святому месту, способному даровать мне отпущение грехов, – ванной. Каждый шаг отдавался в голове гулким набатом, словно внутри черепа маршировал полк оловянных солдатиков, обутых в свинцовые сапоги. Доковыляв до цели, я припала лбом к прохладной стене. Последнее прибежище павшего воина, раненного в неравной схватке с вином, – контрастный душ.

Ледяные струи впились в кожу тысячей иголок, выдирая сознание из уютного, липкого кокона похмельного небытия.

Я взвыла, но выстояла. Затем кран повернулся в другую сторону, и кипяток обрушился на меня, словно ласковое объятие самой Преисподней, возвращая обратно в блаженное марево головной боли. Кнут и пряник. Да уж, Анна, ты докатилась. Старость – не радость, а скорее приговор. Подумать только, быть нокаутированной жалкой порцией вина. Были времена, когда я могла осушить погреб средней руки, соблазнить бухгалтера и к утру надиктовать такой финансовый отчет, от которого у всей налоговой сводило скулы. А что теперь? Теперь я стою под душем, обхватив себя руками, и веду напряженные переговоры с собственным вестибулярным аппаратом, убеждая его не объявлять мне импичмент.

Приведя себя в состояние, которое с большой натяжкой можно было бы окрестить «вертикальное и относительно чистое», я, закутавшись пушистый халат, выплыла обратно в покои. Мой персональный демон-искуситель, Мари, уже не порхала – она священнодействовала, сервируя стол к завтраку. И в этот момент я вознесла молитвы всем богам, святым и даже завалящим домовым, о которых когда-либо слышала. Я была готова принести в жертву девственницу. Или, что более реалистично, бюджет какой-нибудь захудалой провинции. Лишь бы стол был накрыт на одну, одну-единственную, измученную алкоголем и бытием душу. Мне хватило вчерашнего общества капитана Кейдена. Завтрак с ним в моем текущем состоянии был бы равносителен пытке испанским сапогом, только для мозга.

И – о, чудо! – мироздание услышало мой безмолвный вопль. Это была победа. Маленький, жалкий триумф, но в тот момент он ощущался слаще завоевания целого королевства.

Заметив мое нетвердое явление народу, Мари прекратила свое служение и с видом верховной жрицы, несущей спасение, протянула мне небольшой флакончик. Внутри лениво перекатывалась мутная, бурая и подозрительно вязкая субстанция.

– Лекарство от вчерашнего вечера, – с каменным лицом доложила она.

– Моя поджелудочная не подаст в отставку после такого? – с глубочайшим скепсисом протянула я, рассматривая флакон на свет. Выглядело это как концентрат уныния, пропущенный через ржавую канализационную трубу. Я с опаской откупорила пробку. В нос ударил запах ржавых гвоздей, вымоченных в уксусе и отчаянии. Меня аж передернуло.

Мари посмотрела на меня как на слабоумную, что, впрочем, было довольно точной оценкой моего ментального состояния.

– Что Вы, леди. Это от самого Королевского лекаря, а он бормотухи не варит.

– Ну раз от Самого, – сарказм сочился из меня, как яд из прокушенной змеи, – у него, поди, и диплом в рамочке на стене висит. Будем считать это королевской печатью качества. – Впрочем, внутри затеплилась крохотная, трусливая

надежда, что местная фармакология развита лучше, чем система сбора налогов.

Собравшись с духом, я зажмурилась и одним героическим глотком опрокинула содержимое флакона в себя.

И тут же пожалела, что вообще родилась на этот свет.

Это было не просто отвратительно. Это было преступление против человечества. Горькая, маслянистая, едкая дрянь продрала глотку огненной полосой и немедленно организовала государственный переворот в моем желудке, требуя немедленного извержения обратно. Я согнулась пополам, заходясь в беззвучном кашле. Из глаз брызнули слезы, а мир окрасился в тот самый тошнотворно-бурый цвет, что был в проклятом флаконе.

Мари тут же засуетилась, причитая и всплескивая руками.

– Леди, леди, не выплевывайте! Потерпите! Еще пара мгновений, и будете как огурчик!

– Такая же зеленая... и в пупырышках? – прохрипела я, отчаянно хватая ртом воздух и пытаюсь не обесчестить хозяйский ковер.

Служанка на секунду замерла, недоуменно моргая. Тонкий юмор, очевидно, не входил в перечень ее талантов.

«Святые покровители печени, молю, держитесь», – мысленно взывала я, чувствуя, как адское варево устраивает внутри настоящую гражданскую войну. Уверенная, что не переживу этого аттракциона, я схватила чашку с ромашковым чаем и залпом осушила ее, пытаюсь смыть с языка послевкусие

смерти и тлена.

Когда первая волна тошноты схлынула, я слабым жестом велела Мари оставить меня в покое и не послушными руками принялась одеваться, после чего рухнула на стул перед своим одиноким, благословенным завтраком. Что ж, если я выжила после этого, то ревизия дворянских счетов мне точно по плечу. Наверное.

Но Вселенная, видимо, решила, что на сегодня с меня хватит подарков судьбы. Оазис спокойствия и мирного поглощения пищи оказался миражом. Потому что тихий завтрак – это для хороших девочек. А я, судя по всему, вчера вечером в эту категорию явно не вписалась. Мироздание не позволило мне даже донести вилку до рта.

Смежная дверь, ведущая, в адский филиал местного околотка, распахнулась с такой силой, будто ее вышибли тараном и только что не с петель сорвали. На пороге материализовалось ходячее воплощение всех моих проблем, облаченное в идеально подогнанную форму начальника королевской стражи. Мой личный Цербер. Моя персональная язва. Кейден, собственной персоной.

Он не вошел – он заполнил собой пространство, вытеснив из комнаты остатки уюта, весь кислород и мою хрупкую надежду на мирное утро. Его препарирующий взгляд, от которого хотелось сжаться до размеров горошины, скользнул по комнате, лениво зацепился за несчастный графин – немого свидетеля моего вчерашнего падения, – и на его губах заиг-

рала усмешка. Такая, от которой немедленно хотелось проверить заточку столового серебра и прикинуть траекторию полета до его наглого лица.

– Я смотрю, Вы любите поспать... – его голос, похожий на скрежет гравия по металлу, выдержал почти мхатовскую паузу, чтобы следующий удар пришелся точнее и больнее. – ...и выпить, пришлая, – гаденько закончил он, вкладывая в последнее слово столько яда, что им можно было бы травить крыс в порту размером с теленка.

Где-то глубоко под левым веком у меня начался локальный тектонический сдвиг. Но лицо я сохранила. С холодным, почти хирургическим спокойствием, я взяла нож. Мой нежный, воздушный омлет в одночасье превратился в личное поле боя, в тренировочный манекен с отвратительно самодовольным лицом Кейдена. Каждый надрез был точным, выверенным, мстительным ударом в самые уязвимые места этого солдафона в лакированных сапогах.

– У вас, аборигенов, такие причудливые представления о манерах, – произнесла я с чопорностью английской королевы, аккуратно отсекая воображаемую ухмылку вместе с кусочком гриба. – Еще вчера Вы пеняли мне за разговоры за столом, а сегодня врываетесь без стука в покои к женщине. А вдруг я тут в неглиже прогуливаюсь? Вдруг я морально травмирую Вашу нежную солдатскую психику?

– И что нового я мог бы там увидеть? – хмыкнул этот мужлан, оглядывая меня так, будто я была новым рекрутом, с по-

зором провалившим утреннюю полосу препятствий. – Или в Вашем мире строение женского тела имеет какие-то принципиальные отличия, достойные детального изучения в служебное время?

Нож с отвратительным визгом процарапал глазурь на дорогой фарфоровой тарелке. Мое терпение треснуло вместе с ней.

– Ну точно абориген, – прошипела я, скорее для себя, чем для него. – Ни такта, ни вежливости, ни зачатков воображения. Чай, не со своими гвардейцами в казарме беседуете, где все аргументы сводятся к размеру кулака и громкости мата.

– Действительно, жаль, – без тени иронии, абсолютно серьезно согласился он. – С ними куда проще. Упал – отжался. Никаких сложных душевных терзаний и витиеватых оскорблений. Собирайтесь. Его Величество Эларион ждет Вас с докладом. Немедленно.

– Господи, – выдохнула я, с сожалением откладывая нож и чувствуя, как бессилие смешивается с клокочущей яростью в гремучий коктейль. – У Вас вообще существует такое понятие, как «рабочий график»? Или я по ошибке подписала контракт на пожизненное рабство с круглосуточными сменами? Хотя постойте, я же на добровольных началах, контракт я так и не подписала. Так что технически, Вы можете идти лесом.

– К сожалению, для Вас, не рабство. В государственной казне нет статьи расходов на покупку излишне болтливых ра-

бов, – буднично, словно сводку погоды зачитывал, сообщил он. – Зато у нас есть простое и емкое слово «надо». Особенно когда это «надо» исходит от короля.

– Послушайте, – я предприняла последнюю, совершенно отчаянную попытку воззвать к остаткам человеческого в этом куске гранита. – У меня был тяжелый день, поганейший вечер и преступно короткая ночь. Я уверена, Его Величество не обратится в камень, не покроется плесенью и не объявит траур, если я успею дожевать свой многострадальный завтрак.

Но я обращалась к скале. Этот солдафон сделал два шага, сгреб мои столовые приборы с той же брезгливой аккуратностью, с какой убирают с дороги дохлую ворону, отодвинул тарелку с моим недобитым аватаром мести и вздернул меня за локоть так, словно я была набитым соломой мешком. Его хватка была стальной, безэмоциональной и абсолютно неоспоримой.

– Завтрак окончен, – безапелляционно объявил он.

– Да что же это за манеры такие у вас, у аборигенов?! – взвилась я, пытаюсь картинно всплеснуть руками, но смогла лишь беспомощно дернуться в его захвате. Тогда, как бы совершенно случайно, я со всей тяжестью моего отчаяния и острого каблука опустила ногу ему на сверкающий сапог.

– Пришлая, – прошипел он сквозь зубы, даже не моргнув и не ослабив хватки.

– Солдафон, – не осталась в долгу я, вкладывая в слово

всю свою ненависть.

И вот так, конвоируемая личным Цербером, который тащил меня за локоть по королевским коридорам, словно арестантку, я отправилась на прием к Его Величеству. Успокаивало лишь одно. Кажется, я открыла новое чудодейственное лекарство. Головная боль и тошнота отступили без следа. Их место заняло чистое, незамутненное, всепоглощающее, звенящее в ушах бешенство. И этот целительный эффект был целиком и полностью заслугой Кейдена. За что ему, конечно, отдельное спасибо. Когда-нибудь я его отблагодарю. Возможно, тем самым ножом для омлета.

Наш путь до святая святых местного монарха напоминал перебранку двух базарных торговки, не поделивших прилавок. С той лишь разницей, что коридоры были мраморными, потолки высоченными, а эхо разносило наши «любезности» с гулкостью, достойной оперного театра. Я шипела про служебное рвение, граничащее с идиотизмом, Кейден ронял что-то о невоспитанных выскочках и моем длинном языке. У дверей кабинета, словно две восковые фигуры из музея пыток, застыла пара гвардейцев. При нашем приближении у одного из них едва заметно дернулся уголок губ. Еще бы, бесплатный цирк с утра пораньше.

Кейден распахнул дверь без стука, втаскивая меня внутрь, как мешок с контрабандой. И я поняла, что уныние – это фамильная черта этого королевства. Кабинет был точной копией казны, только вместо пустых сундуков здесь были горы

бумаг. Пыльные свитки, растрепанные фолианты, какие-то карты, громоздящиеся на столе, стульях и даже на полу. Все это выглядело так, будто кто-то пытался построить из макулатуры баррикаду против наступающей нищеты. За этой баррикадой, подперев тяжелую голову кулаком, сидел и сам Эларион. Вид у него был такой, словно мы с ним вчера соревновались, кто быстрее опустошит винный погреб, и он проиграл.

– Доброе утро, Ваше Величество! – чеканя слова, поклонился Кейден, не разжимая стальной хватки на моем локте. Его пальцы впивались в руку, как напоминание о моем статусе пленницы.

– А вот и мы, – оскалилась я, растягивая губы в самой ядовитой из своих улыбок. Кланяться? Еще чего. В моем мире кланяются только перед неизбежностью, а этот парень с головной болью на неизбежность явно не тянул. Книксены и прочие средневековые телодвижения – увольте. Я из цивилизованного мира, где уважение зарабатывают, а не требуют по праву рождения.

– Рад видеть Вас в здравии, леди Анна, – в голосе короля проскользнула плохо скрытая ирония. Ага, значит, ему уже доложили. Интересно, тут был открыт тотализатор? Ставлю на то, что Кейден поставил на то, что придушит меня еще до рассвета и закопает под любимым королевским кустом роз. Проиграл, солдафон.

– Мне доложили, что Вы время зря не теряете, – продол-

жил Эларион, обводя меня взглядом, который словно пытался просветить рентгеном. – И уже ознакомились и с документами, и с казной.

– Я всего-навсего произвела разведку вверенной мне территории, – отрезала я ледяным тоном кризис-менеджера. – Это стандартная процедура, прежде чем браться за реанимацию Вашего экономического труппа.

Кажется, последнее слово застало Кейдена врасплох. Его пальцы на мгновение ослабили хватку, и этого мне хватило. Резким движением я выдернула свою руку, чувствуя, как его пальцы царапнули кожу. Маленькая победа. Не оглядываясь на своего конвоира, я прошествовала к единственному приличному креслу, которое не было погребено под бумажным оползнем, и демонстративно в него опустилась.

– С Вашего позволения я присяду, – бросила я, уже усаживаясь и картинно разглаживая несуществующие складки на юбке. Что за пещерный век? Не предложить даме стул – это за гранью даже их мракобесных представлений о приличиях. Я вперила взгляд в короля и добавила с кристальной ясностью в голосе: – В ногах правды нет.

– Посвятите нас в свои умозаключения? – спросил Его Величество с таким видом, будто ожидал, что я сейчас вытащу из декольте белого кролика, который на ушко нашепчет ему решение всех бюджетных проблем. Наивный.

Я растянула губы в улыбке, больше похожей на оскал гиены, учуявшей падаль.

– Конечно. Сразу после того, как увижу перед собой подписанный и скрепленный Вашей королевской печатью договор найма. С четко прописанными пунктами моих полномочий, обязанностей и, что самое главное, прав.

Я перевела взгляд на молчаливого истукана в военной форме, от которого до сих пор веяло угрозой.

– А то, судя по отношению ко мне некоторых Ваших... подчиненных, – я буквально выплюнула это слово, глядя Кейдену прямо в лицо, – у меня складывается стойкое ощущение, что я не приглашенный специалист по вытаскиванию королевства из задницы, а военнопленная, попавшая в рабство. Спасать утопающих – дело, конечно, неблагодарное по определению, но не до такой же степени садизма.

Король, наконец, соизволил перевести свой хмурый взгляд на капитана, безошибочно определив источник моего праведного гнева. Лицо Кейдена не дрогнуло ни на миллиметр. Скала, а не человек.

– Леди Анна, – начал Эларион примирительным тоном, который меня только больше взбесил, – мы вроде как обо всем договорились вчера. Вам недостаточно моего королевского слова?

Я издала короткий смешок, лишенный всякого веселья.

– Ваше Величество, я привыкла доверять документам с подписями и печатями. Как говорят в моем мире: без бумажки ты букашка, а с бумажкой – человек. Устные договоренности хороши для дружеских попок, а не для спасения госу-

дарственной казны. А Ваше слово, при всем уважении, вещь эфемерная. Должность короля, знаете ли, зачастую расходный материал. Сегодня один сидит на троне, а завтра – «Король умер, да здравствует новый король!». А мне потом новому доказывай, что я не верблюд и не пыталась ограбить предыдущего.

Кажется, я попала в болевую точку. Король и его верный цепной пес одновременно поперхнулись воздухом так, словно я предложила им на обед жареных тараканов. В глазах Кейдена сверкнула чистая, незамутненная ярость. Отлично, хоть какие-то эмоции, кроме каменного высокомерия.

Да, я прекрасно отдавала себе отчет, что веду себя как последняя стерва. Что в их мире махрового патриархата, где женщина, вероятно, должна говорить только тогда, когда ей разрешили, и исключительно на тему вышивки, мое поведение – это вызов. Но я знала одно: если я сейчас не поставлю их на место, не покажу зубы и не очерчу границы, об меня так и будут вытирать ноги. Сначала этот солдафон, а потом каждый мелкий чиновник, чью кормушку я попытаюсь прикрыть. А слухи здесь, в этом средневековом болоте, распространяются со скоростью света, о котором они, впрочем, ни сном ни духом.

– Давайте по фактам, – я начала загибать пальцы, перейдя на сухой, деловой тон. – Специалиста, то есть меня, который должен спасти Ваши августейшие задницы от полного банкротства, вроде как ждали. Но при этом покои для меня ока-

зались не готовы. С утра меня подняли ни свет ни заря, хотя я до глубокой ночи разбирала ВАШИ, – я выделила это слово интонацией, – финансовые завалы. Мне не то что позавтракать – мне кружку воды выпить не дали! Вместо этого меня схватили, как мешок с репой, и поволокли сюда на допрос.

Я сделала паузу, обводя их тяжелым взглядом.

– Если Вы именно так представляете себе рабочий процесс, то давайте не будем тратить время друг друга. Покажите, где тут у вас выход. А Вы, Ваше Величество, можете и дальше в одиночку разгребать этот бедлам. Потому что у меня складывается стойкое подозрение, что я Вам нужна не как спаситель, а как красивая ширма. Отвлекающий маневр, пока Вы тут по-тихому подчищаете хвосты и прячете концы в воду.

На кабинет опустилась такая плотная, звенящая тишина, что, казалось, ее можно было резать ножом и намазывать на хлеб. Я откинулась на спинку кресла, скрестив руки на груди. Шах. Ваш ход, мальчики.

Тишина в кабинете стала такой густой и вязкой, как застывающий на холодной сковородке жир. Можно было услышать, как пылинки с шелестом оседают на полированное дерево, и как у Его Величества в голове скрежещут шестеренки, пытаясь перезагрузить операционную систему после критической ошибки.

– Пока вы подбираете с пола челюсти и судорожно придумываете ответ, – ледяным тоном, от которого, казалось, ине-

ем покрылись стекла, продолжила я, – хочу на всякий случай напомнить еще кое-что. Я – наемный специалист. Консультант, если Вам будет угодно. Не Ваша верноподданная, не рабыня и даже не гостья, обязанная расшаркиваться в реверансах. Я представитель, скажем так, другого суверенного государства. Со своими законами, менталитетом и, представьте себе, чувством собственного достоинства. И этому государству в моем лице Вы только что смачно, с оттяжкой, харкнули прямо в лицо.

Его Величество Эларион, кажется, окончательно ушел в астрал. Глаза расфокусировались, челюсть слегка отвисла, на лице застыло выражение человека, которому только что на чистом эльфийском объяснили устройство синхрофазотрона. Он явно не ожидал, что какая-то пришлая девица, еще вчера копавшаяся в его долговых расписках, будет его отчитывать, как нашкодившего щенка. Но, стоит отдать ему должное, астрал его долго не держал. Видимо, там тоже требовали плату за коммунальные услуги. Король моргнул, потом еще раз, прокашлялся, возвращая душу в брненное тело.

– Возможно, возникло... э-э-э... некое недопонимание, – начал он осторожно, нащупывая слова, словно шел по минному полю. – Ввиду существенного различия менталитетов наших миров, культурных особенностей воспитания, а также, казалось бы, уже найденного общего вектора для решения проблемы...

Он начал так качественно и виртуозно лить воду, что я

залибовалась. Этому бы не страной управлять, а тренинги личностного роста для всяких инфоцыган проводить. Золотая жила.

– Возможно, – остановила я этот неконтролируемый поток витиеватого бреда одним словом. – Но мне бы очень хотелось это самое «недопонимание» пресечь на корню. Во избежание, так сказать, рецидивов. Давайте начистоту. Вы выдернули меня из моего мира, моей жизни, чтобы я разгребла то дерьмо, в котором Ваше королевство тонет по самую маковку. Так вот, раз уж я согласилась в этом ковыряться, мы будем поступать по-моему. Потому что по-своему Вы уже пытались. Результат, как говорится, налицо и на троне. Я не требую подавать мне по утрам жареных рябчиков под соусом из слез девственниц. Но банальное, уважение ко мне как к специалисту и, в конце концов, как к гостю из другого мира, можно было и проявить. Или кто-то из Вас всерьез решил, что я материализовалась прямо в тронном зале, с кучкой чемоданов, сменной одежды и без элементарной потребности в зубной щетке?

Мой взгляд метнулся к Кейдену. Идеальный барометр. Лицо этого солдафона начало медленно, но верно наливать цвет перезрелого баклажана. Жилка на виске запульсировала в такт моим последним словам. Король, напротив, стремительно бледнел, приобретая аристократический оттенок старого пергамента. Идеальный тандем. Один явно горел желанием немедленно сократить мою наглуую персону на

одну голову, по уже, видимо, хорошо разработанной и многократно опробованной схеме. А второй до смерти боялся потерять свой последний, призрачный шанс на спасение. Я почти физически ощущала, как трон под его венценосной задницей начал ощутимо подгорать.

– Я приношу свои искренние извинения. – Голос короля был ровным, как полированный стол, но взгляд, тяжелый и свинцовый, он в упор направил не на меня, а на своего капитана. Классика менеджмента: публичная порка провинившегося подчиненного, чтобы умаслить ценного, но взбунтовавшегося специалиста. То есть меня.

– Вы абсолютно правы, и мы все исправим. – Пауза, в которой повисло обещание кары. – Кейден исправит.

– Исправит, – подтвердил капитан таким тоном, будто ему предложили проглотить ржавый гвоздь. И он его проглотил. Я с трудом подавила желание поаплодировать. Какое единение монарха и верного пса.

– Предлагаю поступить следующим образом, – продолжил король, наконец удостоив меня своим царственным вниманием. – Вы напишете список необходимого, и я распоряжусь его исполнить. А также подготовите соглашение между мной и Вами, с тем как Вы видите выполнение своих обязанностей. Я подпишу.

Какой щедрый жест. Подписать бумажку, которую сам же нарушит при первой возможности.

– У Вас казна на замке, – любезно напомнила я, улыбаясь

самой невинной из своих улыбок. – Боюсь, даже на зубную щетку не наскребем. Официально.

– У моих подчиненных богатая фантазия, – вкрадчиво улыбнулся он в ответ. О, я видела эту улыбку раньше. У начальников, предлагающих «поработать за идею» и «войти в положение».

– Я видела, – отзеркалила я его оскал. – Особенно она богата при составлении приходно-расходных книг. Строчка «непредвиденные расходы на ублажение дракона» особенно впечатлила. У вас что, драконы на содержании?

Король издал звук, похожий на то, как давятся куриной костью.

– Кхм... Есть еще какие-то вопросы, которые Вы хотели обсудить?

– Есть...

– Кто бы сомневался, – прошипел Кейден с того угла, где он изображал предмет мебели. Гневный и очень опасный предмет мебели.

Я проигнорировала его выпад, обращаясь исключительно к его боссу.

– Давайте по-взрослому. Что бы там Ваш придворный фокусник ни наобещал про дорогу домой, но я думаю, мы оба, – я отчетливо подчеркнула это слово, мысленно вычеркивая Кейдена из круга лиц, принимающих решения, – прекрасно понимаем, что поиск пути в мой мир может занять годы. Если не десятилетия. Если он, черт возьми, вообще найдется.

Я сделала паузу, давая этой неприятной мысли пустить корни в его мозгу.

– Поэтому я хочу гарантий. Мне бы хотелось, чтобы по результатам приведения Вашей дырявой казны в божеский вид, мне в личное пользование был пожалован домик. Не дворец, не замок. Просто добротный дом с крышей, которая не течет. Назовем это «королевской благодарностью» за спасение венценосной задницы от долговой ямы. А также я хотела бы сохранить за собой должность главного казначея на постоянной основе. В свою очередь, обещаю за это время подобрать и выдрессировать штат, который не будет путать дебет с кредитом и воровать туалетную бумагу.

Я бросила быстрый взгляд на Кейдена. Он выглядел так, будто уже прикидывал, как удобнее взяться за мою шею, чтобы свернуть ее быстро и без лишнего шума. Мой главный риск. Моя самая большая проблема на ближайшее время. Запомнить, пометить галочкой.

– Касаемо собственно казны, – я вернулась к королю, демонстрируя деловой подход, – у меня уже есть несколько идей. К обеду я подготовлю все необходимые материалы и конкретные предложения. Не люблю сотрясать воздух пустыми словами.

На лице короля промелькнуло облегчение. Наконец-то конкретика, а не женские истерики. Он явно не привык к тому, что женщина может требовать не платья и бриллианты, а дом и пожизненный контракт.

– Я Вас услышал. Я не против.

Шах и мат, мальчики.

– Спасибо, Ваше Величество, – с легким поклоном поблагодарила я, вкладывая в эти слова всю вежливость, на которую была способна. Вежливость победителя, диктующего условия капитуляции.

Аудиенция у Его Величества закончилась. Я чувствовала себя так, будто только что вышла с годового собрания акционеров, где мне пришлось доказывать, что я не верблюд, а финансовый директор, способный вытащить их загибающуюся контору из долговой ямы. Усталость смешивалась с каким-то злым, адреналиновым азартом. Я победила. Пока.

Выйдя в коридор, где меня, словно верный цепной пес, уже поджидал капитан «Я-слишком-хорош-для-этой-работы» Кейден, я одарила его своей самой вежливой и фальшивой улыбкой. Он стоял, прислонившись к стене, и весь его вид кричал о том, как сильно он презирает эту возню с иномирянкой.

– Капитан, – мой голос прозвучал на удивление ровно, – Будьте любезны сопроводить меня в мои, кхм, покои.

Он отлепился от стены с грацией ленивого хищника, которого оторвали от послеобеденного сна. Ни слова, ни кивка – просто молчаливое движение впереди. Я снова обратила внимание, что шагал он неслышно для человека своей комплекции, что нервировало еще больше. Идеальная машина для убийств. Какое падение для начальника королев-

ской стражи. Я почти сочувствовала ему. Почти.

– Решили доспать? – его голос, низкий и скребущий, как гравий под сапогом, разрезал тишину коридора. В нем не было вопроса, только едкая констатация моей никчемности.

Я едва удержалась от того, чтобы закатить глаза так сильно, чтобы рассмотреть собственный мозг. Этот ходячий тестостерон действительно считает, что единственное занятие для женщины – спать и красиво выглядеть? О, милый. Ты так многого не знаешь о женщинах моего мира.

– Нет, – ледяным тоном ответила я, глядя в его широкую спину. – Там остались мои бумаги. Моя броня. Мой священный Грааль бухгалтерского учета, над которым я корпела всю ночь, пока Вы, капитан, видели десятый сон о побежденных драконах.

Мы вошли в выделенные мне покои. Бестолковые и совершенно чужие. Там, под подушкой, где нормальные девичьи прячут любовные романы, лежал мой скарб: несколько листов, испещренных цифрами, схемами и заметками на полях. Я извлекла их с торжественностью фокусника, достающего кролика из шляпы.

На лице Кейдена, этом каменном изваянии под названием «Недоверие и Презрение», не дрогнул ни один мускул. Он просто смотрел, как я сдуваю с бумаг несуществующую пылинку. Ему было плевать. Или он делал вид, что ему плевать, что еще хуже.

Я повернулась к нему, положив листы на стол. Пора было

расставить точки над «і».

– Помнится мне, Его Величество обязал Вас устроить мой быт, – произнесла я с интонацией руководителя, спускающего задачу нерадивому подчиненному. – Так вот, капитан. Я вас не держу. Устраивайте. А сейчас мне надо набросать контракт. Потому что, как показывает практика, если сама о себе не позаботишься, никто не позаботится. Особенно в мире, где право сильного до сих пор актуальнее трудового кодекса.

Я почти физически услышала, как скрипнула его челюсть. Желваки заходили под идеально выбритой щекой. Звук был восхитительный. Мелкая, но такая сладкая победа. Ничего не сказав, он развернулся на каблуках и вышел, хлопнув дверью ровно настолько, чтобы выказать раздражение, но не нарушить приличий.

– И принесите налоговый кодекс! – крикнула я в закрытую дверь. – Или что у Вас тут вместо него! Свод законов о пошлинах, податях, десятине – все, что найдете!

Наступила тишина. Я уже решила, что он ушел окончательно, проигнорировав мою последнюю просьбу, как вдруг дверь снова открылась. Кейден стоял на пороге, заполнив собой весь проем. В глазах плясали ядовитые искорки.

– Может, еще и графинчик элитного дорнийского для лучшего усвоения материала? – спросил он, и в голосе его было столько сарказма, что им можно было бы травить крыс.

Я оторвала взгляд от бумаг и посмотрела на него. Прямо

в глаза. Без тени улыбки.

– Хватит и озвученного, – отрезала я. – Я предпочитаю работать на трезвую голову. Чего и вам желаю.

Я отвернулась, давая понять, что аудиенция окончена. Развлекайся, капитан. Бегай, суетись. А я пока нарисую контракт, который сделает меня самой большой головной болью этого королевства. Или его спасением. Как фишка ляжет.

Как только за этим ходячим памятником тестостерону и уставу закрылась дверь, я принялась ковать свое оружие. В моем мире это называлось «трудовой договор», скучная пачка бумаги, которую подписываешь не глядя. Здесь же, в этом заповеднике средневековых нравов, где любой шкаф с мечом мог объявить себя твоим хозяином, это был мой щит, мой меч и моя броня. Это был мой манифест о независимости, нацарапанный на казенных листах.

И я обнаглела. Обнаглела так, как может обнаглеть только человек, которому нечего терять и который слишком хорошо знает себе цену.

На первый год я, так и быть, великодушно соглашалась работать за еду. Но не за баланду из общего котла, о нет. Я прописала себе «полный пансион по системе «все включено, включая капризы». Это означало обеспечение одеждой, и женскими нуждами, и даже питание из того же котла, что и для Его Величества. В конце концов, мозг, который должен спасти его корону, нужно хорошо кормить.

А со второго года... О, со второго года начиналось самое

интересное. После пункта о продлении контракта я оставила жирную, многозначительную пустую строку под названием «Вознаграждение». Да, я настолько в себя верила. Год. Я давала им год бесплатного демонстрационного режима «Анна, стерва обыкновенная, версия 1.0», после которого они сами приползут с мешком денег, умоляя меня остаться и дальше разгребать их авгиевы конюшни.

Правда, оставалась мелочь: разобраться в местной валютной системе. Что тут у них – кроны, талеры, чешуйки драконьей задницы? Нужно было срочно провести маркетинговое исследование, чтобы не продешевить, продав свой гениальный ум за три медные монетки. Но и загибать цену до астрономических высот тоже было рискованно. Ценник должен был быть таким, чтобы меня ценили, но при этом Его Величеству не пришла в голову светлая мысль, что придушить меня подушкой в ночи выйдет дешевле, чем платить зарплату. Дилемма.

Дальше – график. Я цинично написала: «ненормированный рабочий день с перерывами на сон и еду по усмотрению Исполнителя». Ну а как иначе? Финансовая задница, в которой сидело это королевство, не имела режима работы с девяти до шести. Она была круглосуточной и перманентной. Значит, и я буду работать тогда, когда это потребуется, а не когда какой-нибудь лорд решит, что мне пора явиться на доклад.

А потом пошел десерт. Права. О, этот раздел я писа-

ла с особым наслаждением. Я прописала себе права, которых, была уверена, не было даже у самого короля. Право на неприкосновенность моего личного пространства (попробуй только войди без стука, капитан!). Право посылать к демонам любого, кто мешает рабочему процессу, невзирая на титулы и количество золота на камзоле. И вишенка на этом торте правовой анархии – полный иммунитет от любых судебных преследований со стороны короны и ее вассалов по всем вопросам, кроме государственной измены. Такая вот страховка от идиотов.

Я откинулась на спинку скрипучего стула и с садистским удовольствием перечитала написанное. Это был не договор. Это был ультиматум. Декларация о том, что я не очередная игрушка и не бедная сиротка. Я – ценный специалист, и они будут играть по моим правилам. Осталось только заставить их это подписать. А это, как известно, уже вопрос не юриспруденции, а чистого, незамутненного шантажа. Моего любимого жанра.

Тишину, в которой я с садистским наслаждением ваяла свой ультиматум, разорвал робкий стук. Я аж замерла. Стук. Предварительный. Вежливый. В этой цитадели дурно воспитанных павлинов, где даже капитан стражи вламывается в мои покои, словно к себе в нужник, кто-то освоил азы этикета. Невероятно.

Дверь со скрипом отворилась, и в комнату, бочком, просочилась Мари. В руках она тащила охапку тряпья, которую

волокла с усилием, достойным Сизифа. Она прокряхтела, как столетняя черепаха, и сбросила этот ворох на мою кровать.

– Капитан Кейден велел передать, – выдохнула она, словно только что пробежала марафон.

Я оторвала зад от стула, на котором уже, кажется, начала просиживать собственную именную вмятину, и подошла к этому аттракциону неслыханной щедрости.

На кровати возлежало платье. Цвет – нечто среднее между предсмертным вздохом и застиранной мечтой девственницы. Рядом – комплект белья, настолько целомудренного и бесполого, что его, без сомнения, пожертвовал какой-то монастырь в рамках борьбы с грехом. А на пол служанка с тихим стуком поставила пару кожаных балеток, в которых удобно либо шуршать по дому, либо сбегать из тюрьмы, не привлекая внимания.

– Конфискат? У кого из придворных дам экспроприировали гардероб? – поинтересовалась я, брезгливо ткнув пальцем в кружевную оборку.

– Что вы, леди Анна! – глаза Мари стали размером с блюдце. – Все совершенно новое! Его Величество сделал заказ у портнихи для одной из своих фавориток, но ей не подошло, и вот... передали Вам.

Мозг на секунду завис, обрабатывая входящий поток абсурда. Одной. Из. Своих. Фавориток. Эта фраза прозвучала так обыденно, будто речь шла о смене караула или выборе

лошади для утренней прогулки.

– Одной из? – переспросила я, чувствуя, как внутри зарождается нехороший, истерический смешок. – Их у него что, как комплектов столового серебра? Парадный, повседневный и для пикников?

– Семь, – пролепетала Мари, густо краснея и вжимая голову в плечи, будто сообщила государственную тайну.

Семь. Я поперхнулась воздухом. СЕМЬ! Это что, абонемент на неделю? Понедельник – блондинка, вторник – рыжая, среда – день экзотики? Я представила себе этого монарха-коллекционера, который не просто правит, а еще и ведет строгий учет своего гарема. Вот это я понимаю, менеджмент ресурсов. Точнее, их бездарная растрата. Семь фавориток! Семь гардеробов! Семь потоков золота, утекающих на шелка, безделушки и оплату капризов. А я тут сижу, голову ломаю, как залатать их дырявый бюджет! Да вот же она, черная дыра, лежит прямо у меня на кровати в виде платья цвета «тоска».

Мысли заработали с холодной яростью кассового аппарата. Нужно было срочно нащупать дно этой финансовой пропасти.

– Мари, – мой голос прозвучал до странности спокойно, как у хирурга перед сложной операцией. – Какое твое месячное жалованье?

Она приосанилась, и в ее голосе прорезалась гордость, которую можно услышать у человека, обладающего несметны-

ми сокровищами.

– Два золотых! – выпалила она.

Два золотых. И судя по ее сияющему лицу, это была сумма, позволяющая не просто выживать, а чувствовать себя почти аристократкой. Два золотых. В голове мгновенно выстроилась цепочка. Зарплата прислуги, которая считает себя обеспеченной, – два золотых. Стоимость одного платья для ОДНОЙ ИЗ СЕМИ любовниц короля – очевидно, в сотни, если не в тысячи раз больше.

Я посмотрела на это тряпье на кровати. Это был не подарок. Это был диагноз. Диагноз всей их прогнившей системе, где деньги швыряют в топку тщеславия, пока те, кто таскает за ними горшки, гордятся двумя монетками в месяц. И мне протягивают этот обносок с барского плеча, этот символ их идиотизма, и ждут, что я буду благодарна.

Я скептически приложила к себе это произведение местного текстильного гения. Колени. Платье бесстыдно открывало мои колени, будто предлагая их для всеобщего обозрения. Под ворохом ткани, сброшенным на кровать, обнаружилось еще и нечто, что, видимо, должно было изображать нижние юбки – несколько слоев грубоватого хлопка, призванных, по всей видимости, добавить образу целомудренной пышности. Целомудрия до колен. Какая прелесть.

– Мари, – я повернулась к горничной, стараясь, чтобы мой голос не сочился ядом. – А не коротковато ли это... изделие?

В памяти тут же всплыло самодовольное лицо Кейдена, и

его незабвенное «шлюший наряд», брошенное в адрес моего вполне приличного делового костюма.

Мари вскинула на меня глаза, полные искреннего, незамутненного недоумения. Будто я спросила, не слишком ли солнце желтое.

– Что вы, леди! В самый раз! Идеальная длина!

– Я почему-то была уверена, что в приличном обществе у вас носят платья в пол, – я демонстративно скользнула взглядом по ее собственному длинному, до самых щиколоток, форменному платью.

– Так-то прислуга, – с легким снисхождением пояснила она, словно открывая мне тайну мироздания. – А для благородных дам длина до колен – самый писк моды.

Ну Кейден... Ах ты ж поборник морали хренов. Значит, когда я в строгом костюме с юбкой до колен, – это разврат и падение нравов. А когда местная аристократка сверкает голыми коленками, обтянутыми шелком, – это «самый писк»? Лицемерная ты тварь. Ты у меня за каждую медную монету на нужды своих оловянных солдатиков будешь не просто отчеты писать, ты у меня на коленях по плацу поползешь, вымаливая финансирование. Я тебе устрою такой аудит, что святая инквизиция покажется детским утренником. Месть – это блюдо, которое я подам холодным, с гарниром из бюрократической волокиты.

Я сгребла это тряпье, которое здесь гордо именовали одеждой, и решительно направилась в ванную.

– Куда вы, леди Анна? – в голосе Мари плескалось неподдельное изумление.

– Переодеваться, – бросила я через плечо.

– В ванную?!

Я даже не стала объяснять ей, что моя так называемая спальня по факту является проходным двором и филиалом казармы для некоторых особо одаренных служаек. Что дверь здесь – не более чем декоративный элемент интерьера. Что в любой момент сюда может без стука ввалиться любой, кому приспичит, особенно один циничный капитан с замашками тюремного надзирателя.

Уже из ванной, приоткрыв дверь ровно на столько, чтобы меня было слышно, я крикнула:

– Мари, слушай, никак в толк не возьму! Логика у вас тут хромает на обе ноги. У вас есть водопровод, причем с горячей водой, что само по себе тянет на технологическое чудо. Так какого черта вы до сих пор сидите при свечах, как в Средневековье, и до сих пор пишете гусиными перьями?

Судя по затянувшейся паузе, мой вопрос ввел ее в когнитивный ступор.

– Леди, я не знаю, откуда у вас сведения про гусиные перья, – наконец донесся ее озадаченный голос. – Ими не пользуются уже лет пятьдесят, наверное. У нас самописные перья, они заправляются чернилами из флакона и пишут, пока те не кончатся. А по поводу свечей... – она на секунду замялась, понизив голос, будто сообщала государственную тай-

ну, – это личный приказ Его Величества. В целях экономии государственных средств.

Экономия. Средств. На свечах. В то время как этот же самый экономный монарх содержит семь, СЕМЬ официальных фавориток, каждая из которых обходится казне дороже, чем освещение всего дворца за год. Они экономят копейки на освещении, чтобы швырять тонны золота в топку королевского либидо.

Я посмотрела на себя в зеркало. На моем лице играла самая хищная из моих улыбок. Спасибо, Мари. Спасибо, Ваше Величество. Теперь я точно, с огромным удовольствием перекрою первым этот крантик. И поверьте, темно станет не только в коридорах.

Я еще смаковала свою хищную улыбку в отражении, мысленно перекраивая тактический план под свежеполученные разведданные о королевских слабостях, как дверь в мою «спальню» распахнулась без стука. Разумеется. Приличия – это для тех, у кого есть время на такую ерунду.

Я вышла из ванной. На пороге, заполнив собой весь проем, стоял Кейден. Главная заноза в моем седалищном нерве. Он окинул меня своим фирменным взглядом, в котором недоверие боролось с презрением, а побеждал неизменный цинизм. За его спиной, подобно тени, маячил несчастный стражник, согнувшийся под тяжестью стопки книг. Бедолага выглядел так, будто его заставили тащить на себе всю скорбь этого королевства.

– Ваше желание исполнено, пришлая, – голос Кейдена сочился ядовитой любезностью. Он изобразил нечто вроде поклона, от которого у меня задергался глаз. Это была издевка в чистом виде, насмешка, обернутая в придворный этикет. Жестом, каким обычно указывают собаке на место, он приказал стражнику: – Сюда.

Парень, пыхтя, сгрузил книги на стол. Грохот стоял такой, будто рухнули основы мироздания. Пыль веков поднялась в воздух, забивая ноздри.

– Благодарю, капитан, – я отвесила ему величественный кивок, вложив в него столько королевского достоинства, сколько смогла изобразить. Пусть подавится моей благодарностью. – А теперь прошу проводить меня. Я готова к новой аудиенции у Его Величества.

Кейден замер. На его лице проступило то самое выражение, с которым смотрят на особо буйного пациента в доме для умалишенных. Он медленно, почти по слогам, процедил, смакуя мое невежество:

– Это так не работает.

Я вскинула бровь. Серьезно? Он сейчас будет учить меня жизни?

– Вы не на базарную площадь проситесь, где можно поглазеть на скоморохов, – продолжил он, явно наслаждаясь моментом. – Это аудиенция у короля. Нужно отправить запрос. Дождаться, когда он соизволит найти для Вас время в своем драгоценнейшем расписании. Возможно, через неде-

лю. Или две.

Внутри меня что-то лопнуло. Тонкая нить терпения, натянутая до предела этим средневековым идиотизмом. Я чувствовала, как по венам вместо крови начинает бежать раскаленное раздражение. Неделю? Две? За это время их экономный монарх спустит на своих пассий годовой бюджет небольшой страны!

– Святые таблицы! – вырвалось у меня, и я картинно закатила глаза к потолку, умоляя небеса дать мне сил не придушить этого ходячего стражника.

Кейден непонимающе моргнул. Мое заклинание из другого мира явно не произвело на него должного впечатления.

– Капитан, – я шагнула к нему, понизив голос до ледяного шипения и глядя ему прямо в его циничные глаза. – Поймите простую вещь. Он может принять меня в любое время. И примет. Сегодня. Сейчас. Потому что это, – я ткнула пальцем в сторону двери, за которой находился остальной дворец, – в первую очередь в его интересах. Я ведь иду к нему не фасон его нового камзола обсуждать и не цвет королевского исподнего. Я иду говорить о святом. О финансах. И о том, как быстро его казна превратится в тыкву, если он и дальше будет экономить на свечах.

Челюсти Кейдена издали такой мерзкий скрежет, будто два могильных камня терлись друг о друга. Я с трудом подавила довольную ухмылку. О, да. Рядом со мной его военная выдержка, выкованная в десятках сражений, давала сбой и

рассыпалась в прах. Этот ходячий устав, эта гранитная скала цинизма и самоконтроля, терял свое каменное лицо, и это было упоительнее любого комплимента. Я была тем самым багом в его идеально отлаженной системе, вирусом, который он не мог ни игнорировать, ни удалить.

Собрав свои бумаги, ставшие для меня священными скрижалями в этом мире безграмотных феодалов, я поднялась. Встала напротив него, выпрямив спину, и уставилась на него взглядом, который не просил, а требовал. Взглядом хищника, который уже почуял запах крови и теперь ждал, когда жертва сделает свой последний, предрешенный шаг. Он выдержал мой взгляд ровно три секунды, затем его глаза цвета крепкого кофе полыхнули холодным огнем. Не проронив ни слова, он резко развернулся и зашагал прочь. Ни кивка, ни жеста. Просто стена напряженной спины, облаченной в мундир. Что ж, для человека, который общается в основном рычанием и презрительными взглядами, это было равносильно приглашению, выгравированному на золотой табличке. «Так уж и быть, следуй за мной, исчадие хаоса».

И снова начался наш негласный марафон по дворцовым коридорам. Только на этот раз это был не просто забег. Это было шествие. Он – конвоир, ведущий особо опасного преступника. Я – тот самый преступник, который наслаждается каждой секундой произведенного фурора. Стражники в коридорах вытягивались в струнку еще сильнее, провожая своего капитана взглядами, полными собачьей преданности,

а меня – смесью любопытства и откровенного страха. Еще бы, какая-то девица заставила их несокрушимого командира выглядеть так, будто он проглотил ежа. Целиком. Я шла, едва сдерживая смех, и думала о том, что вся эта позолота на стенах, все эти гобелены с единорогами и херувимами скоро пойдут с молотка, если их король не оторвет свой венценосный зад от подушек.

Двери в королевский кабинет распахнулись без стука. И – о, какой шок, какой сюрприз! – Его Величество Эларион был не на судьбоносном совете с министрами и не подписывал мирный договор. Он сидел один за своим гигантским столом и с видом смертельной скуки перекладывал какие-то бумаги, больше похожие на приглашения на очередной бал. Мой взгляд метнулся к Кейдену. Всего на долю секунды, но этого хватило. Я вложила в этот взгляд все свое торжество, все свое «я же говорила» и щедро приправила это ехидством. Вселенная только что публично щелкнула его по носу, и я была тому свидетельницей.

– И снова мы, – я позволила себе легкий кивок на его изумленный взгляд, решительно шагая к столу. Не дожидаясь приглашения, я положила перед ним свои листки. – Мой скромный трудовой договор. На согласование.

Его Величество с видом человека, которому только что принесли эликсир вечной молодости, схватил бумаги. Бедняга. Он еще не представлял, что держит в руках не спасительную соломинку, а тщательно замаскированный ящик

Пандоры с финансовым отчетом внутри.

Я с комфортом опустилась в одно из кресел напротив него. Это была не просьба, а констатация факта – я здесь надолго. Король, придя в себя, кивнул Кейдену на второе кресло. Тот сел с жесткостью и грацией падающего шкафа, не спуская с меня своих подозрительных глаз.

Дальше начался театр одного актера, точнее, одного королевского лица. По мере прочтения моего «контракта» оно менялось со скоростью калейдоскопа. Вежливое любопытство сменилось недоумением. Недоумение – легким замешательством. Замешательство переросло в откровенное изумление, которое плавно перетекло в ужас. Брови взлетели к линии роста волос, рот приоткрылся, а цвет лица приобрел нездоровый оттенок старого пергамента. Наконец, он дошел до финала. Медленно, словно во сне, Эларион встал. Он не смотрел на меня. Он посмотрел на бумаги в своих руках, как на дохлую змею, а затем протянул их Кейдену. Жест был красноречивее любых слов: «Пострадай со мной, верный мой пес, ибо в одиночку я это не вывезу». Пока капитан принимал эстафету боли, король подошел к небольшому бару и плеснул в массивный стакан что-то янтарное и явно крепкое. Без допинга переварить мой скромный труд его монарший организм, очевидно, отказывался.

Кейден читал быстрее. Его лицо каменело с каждой строчкой. Костяшки пальцев, сжимавших бумаги, побелели. Я видела, как в его глазах разгорается пламя праведного гнева.

И вот он дошел до того самого пункта. До вишенки на торте моего юридического гения.

– ДА НИ ЗА ЧТО! – рявкнул он так, что в соседнем зале, наверное, посыпалась штукатурка. Бумаги в его руке задрожали от ярости. Он вскочил, нависая надо мной, и ткнул в договор пальцем, словно хотел прожечь в нем дыру. – «Полный иммунитет от любых судебных преследований»? Вы в своем уме?!

Я позволила грому его возмущения отгреть и раствориться в оглушительной тишине. Сделала маленький глоток воздуха, словно пробуя его на вкус. И, глядя прямо в горящие яростью глаза капитана королевской стражи, с холодной, убийственной вежливостью уточнила:

– За исключением государственной измены, – я сделала паузу, давая словам впитаться, и добавила с легкой, почти отеческой ноткой в голосе. – Ваше капитанство. Нужно же быть разумными.

Кейден замер, а затем медленно, с расстановкой, словно смакуя каждое слово, зачитал следующий пункт моего нетленного творения. Его голос, и без того не отличавшийся бархатистостью, превратился в скрежет ржавого металла по стеклу.

– «Право отказывать тому, кто мешает рабочему процессу, невзирая на титулы и количество золота на камзоле».

Он поднял на меня взгляд. О, этот взгляд! Я бы вставила его в рамку под названием «Презрение, концентрированное,

100%». В его глазах плескался чистый, незамутненный цинизм, смешанный с искренним недоумением, как будто перед ним сидела не я, а говорящий хомяк, требующий себе личную карету. В повисшей тишине я почти физически ощущала, как шевелятся его мысли: «Эта девица либо безумна, либо считает нас идиотами. Либо и то, и другое, что наиболее вероятно».

Ну что ж, капитан. Поиграем в гляделки. Я откинулась на спинку кресла, позволяя себе легкую, едва заметную усмешку. Пусть смотрит. Пусть изучает. Я знала, что он видит: молодая женщина, слишком дерзкая для своего положения, с договором, который больше походил на объявление войны здравому смыслу. А что видела я? Я видела загнанного в угол волка, который привык, что все пляшут под его дудку, и вдруг обнаружил, что одна овца не только не собирается идти на заклание, но и пытается выторговать себе право на личный загон с пулеметной вышкой.

Сердце внутри пропустило удар, а потом заколотилось быстрее, гоняя по венам ледяной адреналин. Страшно? О, да. До тошноты. Одно неверное слово, один неверный жест, и этот практичный циник найдет тысячу и одну причину упрятать меня в самую глубокую темницу просто «для профилактики». Но именно поэтому я и вцепилась в этот договор, как утопающий в соломинку. Это был не просто контракт. Это был мой бронезилет. Моя единственная страховка в этом серпентарии.

– Мало ли кто и что будет требовать, – мой голос прозвучал на удивление ровно и даже чуть лениво, будто мы обсуждали погоду, а не основы государственного устройства. Я позволила себе легкий жест рукой, словно отгоняя назойливую муху. – Представьте, капитан. Бюджет горит синим пламенем, цифры в отчетах пляшут похоронный танец, а казна готовится испустить дух. А в этот самый момент в мой кабинет wpłyвает какой-нибудь лорд Пустозвонский, от которого разит духами и скукой, и начинает требовать аудиенции, чтобы пожаловаться на недостаточно золотые кисточки у его пажа. И что мне делать? Улыбаться и слушать эту пустую болтовню, пока королевство катится в долговую яму?

Я сделала паузу, давая ему переварить эту восхитительную картину.

– Не стоит так тяжело воспринимать договор, Ваше капитанство. Он, в сущности, очень практичен. И целиком по делу. – Я подалась вперед, и в моем голосе зазвенела сталь, приправленная щепоткой яда. – Или Вы предпочитаете действовать по старинке? Вдруг завтра Вы решите, что мой метод ведения дел не гармонирует с фазой убывающей луны или, не дай бог, нарушает гармонию местного фэншюя. И что тогда? Вы решите сократить меня по Вашей излюбленной схеме: «неоправданное вольнодумство, подрывающее основы». Тихо, быстро и без выходного пособия.

Я смотрела ему прямо в глаза, не отводя взгляда. Пусть видит, что я понимаю его игру. Что я знаю цену его «прак-

тичности».

– Мне нужны гарантии. Железобетонные. Что мне не будут вставлять палки в колеса на каждом шагу просто потому, что кому-то не понравится цвет моих глаз. И что у меня останется хотя бы призрачный шанс сохранить свою голову на плечах, когда поползут неизбежные наговоры. Потому что вытаскивать Ваше драгоценное королевство из экономического дефолта, – я сделала многозначительную паузу, обводя взглядом его напряженное лицо, – это значит перекрывать денежные потоки и наступать на очень многие мозоли. Очень влиятельные мозоли. А когда я начну закручивать гайки и отлучать от кормушки особо прожорливых господ... Поверьте, желающих прошептать Вам на ухо, какая я некомпетентная предательница, выстроится целая очередь. И я хочу иметь законное право послать их всех... заниматься более важными государственными делами.

Его Величество, заправившись алкогольным топливом, вернулся за свой стол с грацией груженной баржи. Походка была выверенной, спина прямой – отчаянная попытка сохранить остатки королевского достоинства, которое, как и казна, трещало по всем швам. Он небрежно, но властно махнул рукой Кейдену, и тот с кислой миной протянул ему мой многострадальный договор. Король начал читать. Медленно, с расстановкой, словно смакуя каждое слово в поисках яда. Его взгляд, тяжелый и мутный, буравил пергамент, будто мог прожечь в нем дыру силой одной лишь монаршей неприязни.

– В графе «вознаграждение» отсутствует конкретная сумма, – наконец изрек он, и голос его прозвучал так, будто он ворочал камни.

– Видимо, пришлая еще не определилась с итоговой суммой нашего унижения, – не преминул вставить свои пять медяков капитан. Его голос сочился сарказмом, как перезревший фрукт – липким соком.

Я позволила себе кривую усмешку, глядя прямо на этого ходячего образца практичности и цинизма.

– А разве есть куда унижать Вас дальше, капитан? – мой голос прозвенел в гнетущей тишине нарочито сладко. – Я тут слышала от прислуги, что во дворце свечи жгут через одну, дабы сберечь казну. Еще немного, и Ваши brave гвардейцы будут патрулировать коридоры на ощупь, рискуя лбами проверить крепость стен. Куда уж ниже? Вы и так на дне.

Я перевела взгляд на короля, и сладость из голоса испарилась, уступив место холодной стали.

– Поймите правильно, Ваше Величество. Моя цель – не обобрать Вас до нитки, хотя, признаться, задача эта кажется невыполнимой, ибо ниток уже и не осталось. Этот договор – моя броня. Мой единственный щит в том гадюшнике, который мне предстоит разворошить. Вы ведь не настолько наивны, чтобы думать, будто все пройдет гладко?

Я подалась вперед, упираясь ладонями в стол. Внутри все сжималось от смеси адреналина и холодного расчета. Я видела, как напрягся Кейден, как дернулся желвак на скуле ко-

роля. Они ненавидели меня. И это было прекрасно. Это было честно.

– Как только я перекрою первый финансовый ручеек какому-нибудь изнеженному лорду, чьи расходы на пудру для парика превышают жалование десятка ваших солдат, что начнется? Правильно. Начнется паломничество в Ваш кабинет. Потекут жалобы. Доносы. Кляузы. Меня обвинят в измене, в шпионаже, в сговоре с гоблинами и в неуважении к традициям. Мне нашепчут за спиной, что я подрываю устои, и какой-нибудь особо обиженный вельможа «случайно» уронит мне на голову кирпич с балкона.

Я смотрела прямо в глаза королю, вкладывая в свой взгляд всю ту жесткость, на которую была способна.

– И вот для этого мне нужен договор. Чтобы, когда очередной такой проситель приползет к Вам с жалобой, я могла ткнуть его носом в Вашу подпись и вежливо попросить не отвлекать меня от спасения его задницы. Я не буду работать без гарантий. Просто соберу свои скромные пожитки и уйду искать счастья в этом Вашем незнакомом мире. Уж поверьте, я как-нибудь выкручусь. А Вы... Вы останетесь здесь. Наедине со своим уютным финансовым болотом, которое очень скоро превратится в зловонную трясику и поглотит Вас вместе с короной и этим Вашим капитаном. Выбирайте.

Монарх молчал, впившись в меня взглядом. В его глазах я видела все: унижение, бешенство и пугающее осознание. Он больше не был полновластным хозяином. Власть, словно

песок сквозь пальцы, утекала из его рук в мои. И его, должно быть, колотило от этого. Как же так, какая-то пришлая девка, без роду и племени, ломает его через колено, диктует условия, а он, помазанник божий, не может даже рыкнуть в ответ. Ох, крепись, милый. Это только прелюдия. Ты еще не знаешь моих идей по урезанию бюджета твоих семи официальных фавориток.

Я на секунду представила лицо Кейдена, когда он узнает, что отныне отчет за каждый потраченный медяк на заточку мечей или новую пряжку для сапога ему придется нести лично мне. И согласовывать. Под роспись. У меня от этой восхитительной картины нервно дернулся глаз. Кажется, впереди нас всех ждет очень, очень веселое время.

Тишину в кабинете можно было резать ножом, и я не сомневалась, что у стоящего рядом капитана этот нож был при себе, что там нож, в ножнах болтался всамделишной меч. Идеально заточенный и готовый к работе. Эларион медленно перевел взгляд с него на меня. Взгляд хищника, который решает, с какой стороны удобнее начать рвать жертву. Он не просто смотрел – он взвешивал, оценивал, примерялся. А потом этот взгляд скользнул к столу, и король с демонстративной медлительностью взял в руки то, что здесь, видимо, заменяло ручку – нечто похожее на перьевую ручку. Нервы, Ваше Величество? Или просто дурная привычка?

Напряжение в его челюсти было таким, что я почти слышала, как скрипят его зубы. Желваки перекатывались под

кожей, словно два булыжника. Вся его поза кричала об унижении и ярости, которые он едва сдерживал. Он проигрывал, и он это знал. А проигрывать короли не любят. Они предпочитают сжигать игровое поле вместе со всеми фигурами.

– Жалованье, – выцедил он, словно каждое слово было осколком стекла, которое он выплевывал мне в лицо. – Вы просите его со второго года. Не слишком ли самоуверенно? Вы всерьез полагаете, что поставите на ноги целое королевство... за жалкий год?

В его голосе сквозил такой ледяной сарказм, что им можно было бы заморозить ад. Я почувствовала, как на меня давит не только взгляд короля, но и тяжелое, насмешливое молчание Кейдена, который все еще нависал надо мной. Этот тип наверняка делал ставки, сколько секунд я продержусь, прежде чем разревусь или упаду в обморок. Он меня презирал. За то, что я женщина, за то, что пришла, за то, что посмела вякать в присутствии его венценосного хозяина. Я ощущала его недоверие и цинизм почти физически, как неприятный сквозняк по спине.

Что ж, разочарую вас обоих, мальчики.

– Более чем, – я позволила себе кривую усмешку, чувствуя, как внутри все скручивается в ледяной узел от адреналина. Страх был, но он был отличным топливом. – Как только Ваша подпись украсит этот скромный документ, мы немедленно перейдем к плану экстренной эвакуации Вашей казны из той клоаки, в которой она сейчас находится. И, Ва-

ше Величество, искренний совет: лучше сразу плесните себе еще. Разговор будет долгим и крайне неприятным для Вас.

Теперь дернулся не только желвак, но и глаз короля. О, дивная картина. Я мысленно поставила себе плюсик. Довести до нервного тика помазанника божьего – это, знаете ли, достижение.

– В таком случае, – прошипел он, подавшись вперед, и в его глазах полыхнул нехороший огонь, – мне тоже нужны гарантии. Не просто слова. Гарантии, что через год Вы не начнете рассказывать мне сказки про «надо еще немного потерпеть» и «светлое будущее уже за следующим поворотом». Я устал от сказок.

Я картинно вскинула брови, хотя внутри все похолодело. Вот оно. Началось. Он загнан в угол и сейчас будет кусаться.

– И каких же гарантий Вы от меня ждете? – мой голос звучал на удивление ровно. – Чтобы я раскинула Вам пасьянс на благоприятный исход? У Вас есть мое слово, Ваше Величество. И поверьте, в том мире, откуда я пришла, мое слово стоит дороже золота. Надеюсь, Ваше тоже.

Он усмехнулся. Мерзко, без капли веселья. Это был оскал.

– Слово? Слова – это ветер. Ими не накормишь армию и не заплатишь долги. Мне нужно нечто более... весомое.

Он сделал паузу, смакуя момент, наслаждаясь властью, которую вновь почувствовал. Он смотрел мне прямо в глаза, и я увидела в них решение. Холодное, жестокое и окончатель-

ное.

– Жизнь, – произнес он тихо, но это слово ударило по ушам, как набат. – Ваша жизнь станет гарантом. Если ровно через год в этот самый день мы не будем иметь казну с положительным балансом, Вы заплатите за свою самонадеянность. Головой.

Я замерла, чувствуя, как кровь стынет в жилах. Сердце пропустило удар, а потом заколотилось где-то в горле, бешено, как пойманная птица. Он не шутил. Взгляд метнулся в сторону Кейдена. Тот даже не шелохнулся, но я готова была поклясться, что на секунду на его губах мелькнула тень хищного удовлетворения. Ну конечно. Для него это идеальный расклад. Если у меня получится – королевство в плюсе. Если нет – он с огромным удовольствием лично исполнит приговор. Практично. Цинично. В его стиле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.